ГРИГОРИЙ АРКАТОВ

#НАХРЕНЁБЩЕСТВО

18+

Григорий Аркатов

#НАХРЕНЁБЩЕСТВО

«Эдитус»

2019

Аркатов Г.

#НАХРЕНЁБЩЕСТВО / Г. Аркатов — «Эдитус», 2019

ISBN 978-5-00149-052-4

Тантра, любовь, секс... Что нужно человеку, живущему в современном мегаполисе? Возможно, он просто хочет быть счастливым. Вставать с утра и не задумываться о кредите в банке и о просроченных алиментах, о повышении цен на бензин и дефиците мест для парковки... Но где же найти это вожделенное счастье? Как прикоснуться к нему? Как впустить его в себя? Как и большинство из вас, я искал информацию в сети, искал нужных людей, с которыми мне станет хорошо, посещал всевозможные тренинги, где обещали свет в конце тоннеля... Сейчас перед вами результат всего этого, перед вами моя новая книга, прошедшая через боль и радость личных переживаний. Она помогла мне. Возможно, она поможет и вам.

ISBN 978-5-00149-052-4

© Аркатов Г., 2019

© Эдитус, 2019

Содержание

#первый	6
#второй	18
#третий	30
#четвертый	42
#пятый	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Григорий Аркатов #нахренёбщество

© Аркатов Г.

* * *

Посвящается АДИ

#первый

Я смотрю в зеркало.

– Я люблю тебя.

Мои слова обращены к моему отражению.

Я продолжаю смотреть. Впалые щеки, тяжелый взгляд... Выгляжу немного уставшим.

Жизнь измотала.

– Спасибо.

Моя искренняя благодарность обращена к тому, кого я слишком долго игнорировал.

Это я сам.

Я слишком долго слушал других людей. Они говорили много и разное. Им не нравилось мое тело, им не нравился я, им не нравились мои поступки.

И я их слушал.

В этом была моя главная ошибка.

Я был ребёнком и поэтому наивно считал, что другие люди глаголют истину. Ложь! Они говорили лишь то, что удобно дополняло их ущербную картину мира.

Второй моей ошибкой было неуместное стремление стать частью этого ущербного мира. Я не понимал, что «я» есть единственный мир, который мне нужен. В нем есть все!

– Толстогубый!

– Жираф с длинной шеей!

– Дистрофик!

– Чересчур умный!

– Настырный!

«Сколько же злобы в этих людях? Зачем они меня мучают?» – думал тот ребенок.

Я не понимал, что все это были лишь миражи, отблески далеких галактик чужих миров, наполненных болью и отчаянием, что это чужая отравка, которая мне не нужна.

– Это тяжело, но я справлюсь. Просто нам нужно чаще встречаться лицом к лицу.

Глаза в отражении наполнились слезами. Глубокая боль пронзила тело.

– Да. Я знаю. Только все это не важно. У меня получится.

Что именно?

Справиться со всей ерундой, забившей мне мозг!

Это, несомненно, будет тяжело. Это уже сейчас тяжело. Я смотрю на руки, ноги, торс, гениталии и вижу не себя, я вижу чужие шаблоны восприятия, живущие в моей голове.

– У меня получится, – повторяю я, – У нас получится.

Мои пальцы с нежностью и любовью пробежались по груди. Они смыкаются над сердцем.

– Я здесь и я есть. Я в гармонии с собой и миром.

Ритуал завершён. И теперь нужно идти заниматься другими делами.

Справа от меня на вешалке висит белая рубашка. Слева на стуле располагаются трусы, носки и ремень.

«Начну с мелких деталей туалета», – решаю я.

Разобравшись с мелочью, я с наслаждением погружаюсь в мягкую хлопчатобумажную ткань.

– Как тебе? – спрашиваю я у своего отражения в зеркале.

Другой «я» выглядит довольным, удовлетворённым.

– К ней я выбрал вот эту чёрную бабочку...

Отражение удивилось.

– Знаю... Я никогда не носил галстук-бабочку. Но тут подумал: почему нет?

Огонёк игривости блестит в моих глазах, и я понимаю, что другой «я» поддерживает мой эксперимент.

– Спасибо.

На мгновение я отхожу от зеркала. Нужно дойти до шкафа и натянуть штаны. А еще захватить пиджак.

– Как тебе?

Поглаживая ладонями рукава и отвороты, я излучаю восторг.

– Настоящая английская ткань, идеальный итальянский покрой, безупречный чёрный цвет...

Я знал, что он меня поймёт.

– Ну, вот и все!

Отражение улыбнулось.

– Пожелай мне удачи.

В уголке рта появилась легкая печаль.

– Да, да... Но это нужно сделать. Этого никак не избежать.

И снова улыбка.

Немного погодя я вышел из комнаты и плотно запер за собой дверь.

– Начало положено.

Чёрные замшевые туфли мягко перемещались вниз по ступенькам, крытым темно-синим вельветом. Внизу меня ждал Сурен.

– Здравия, хозяин.

– И тебе того же.

– Будут особые указания?

– Я жду посылку.

– Ещё не доставили.

– А это что?

Я имел в виду большое серебряное блюдо в руках моего дворецкого, поверх которого небрежно лежала большая стопка конвертов.

– Письма с извинениями, – ответил дворецкий и в повиновении склонил голову вперёд.

Я сделал ещё несколько шагов вниз. Была возможность подумать...

Сурен.

Я приобрёл его чуть больше трёх сотен лет назад на невольничьем рынке города Сторобаска, столицы бандитской планетарной колонии Пять из звездной системы Восемь. С идентификацией галактики я так и не разобрался. Возникли другие дела. Наверное, более важные.

По деньгам в принципе получилось недорого. Всего три тысячи рублей. На Сторобаске ценят русские деньги. Говорят, что у них какой-то особенный запах. А в плане эксплуатации вообще одна сплошная выгода: кушать Сурен не просил, жил в чулане, да и глаза лишний раз не мозолил.

Кроме того, мне очень нравился его специфический внешний инопланетный вид. Вытянутая треугольная голова, глаза сразу под ушами, клювоподобный рот с хищными клыками, зелёная кожа, трёхпалые кисти рук – такое может либо присниться в страшном сне, либо жить в моем доме.

А ещё эта особая манера одеваться...

Кажется, его родные из других миров постоянно присылали ему что-то новое и необычное. Вот и сегодня мой дворецкий был одет как на праздник...

Собственно, а почему бы и нет?

Это можно было назвать свитером или пуловером с глубоким округлым вырезом в области шеи. Только вот он ниспадал до пола, и тут этимология впадала в ступор.

– Мне нравится цвет, – сказал я.

– Благодарю, хозяин.

Цвет действительно был прекрасен. Салатовый с крупинками небесно-голубого, розового и сочно-желтого.

Ещё несколько шагов по темно-синему вельвету привели меня к неприятному вопросу.

– То есть они не приедут?

– Думаю, что нет.

– Они как-то объяснились?

– Письма доставил курьер. В каждом случае свой собственный.

– И ни слова?

– Нет. Но...

Я с досады сжал кулаки. Однако тут же вспомнил про прозвучавшее в конце реплики «но».

– Ты что-то говорил? – с надеждой в сердце поинтересовался я у слуги.

Он снова покорно склонил голову вперёд.

– В гостиной вас ожидает довольно странный персонаж.

– Насколько странный?

– Очень.

– Кто он?

– Я не знаю.

– Он что-то сказал?

– Вроде бы: помни о смерти. Или же я неправильно перевёл.

Ненужный гость в моем доме – это меня разозлило. Я ждал нужных, но те, судя по всему, меня беспардонно отвергли. Это меня, естественно, обидело, ранило до самой глубины души.

«Обязательно нужно на ком-то оторваться», – прошептал разум.

Обычно я его не слушал. Но сегодня был особый случай. Сегодня можно было позволить себе все.

– Кто вы?! – грозно рявкнул я, врываясь в гостиную.

– Здравствуй, Цезарь, идущий на смерть приветствует тебя!

Вот теперь я был по-настоящему в шоке. Посреди моей гостиной гротескно рапортовал римский легионер.

Я хотел было что-то сказать ему в ответ, но получилось лишь:

– О...

А потом я поспешил покинуть гостиную.

– Что прикажите делать, хозяин? – спросил осторожно приблизившийся ко мне Сурен.

Он, конечно же, понимал, что мне нужно немного отдышаться после такого вот сюрприза.

Но и бездействовать он тоже не мог.

– Я могу перегрызть этому человеку горло, а потом расчленить. Такое мясо потом удастся выгодно продать на базаре в отделе мясных деликатесов...

Сделав ещё один жадный глоток воздуха, я посмотрел в блестящие оранжевые глаза двоюродного. Он явно был серьёзен. Он не шутил.

– Мне бы сначала хотелось узнать кто он и чего хочет.

С этой мыслью я направился обратно в гостиную. Легионер был по-прежнему там. Он никуда не делся и пребывал в неизменной позе боевого патриотизма.

– Откуда вы и что вам нужно? – рявкнул я с порога.

На этот раз мое намерение было куда более настойчиво и неотступно.

– Даю, чтобы ты дал; делаю, чтобы ты сделал.

– И что это значит?

– Я – Бог из машины.

– С каких пор?

– Всегда.

«Ну, вот и отлично», – подумал я.

– Сурен!

Дворецкий прибыл по моему зову в одну сотую долю мгновения.

– Да, хозяин.

– Делай с ним, что ты там хотел. Я умываю руки.

Махнув рукой в сторону римского легионера, мое тело сделало шаг восвояси.

– Хорошо, хозяин.

Дворецкий был рад стараться. Но радоваться или улыбаться он не умел. Лицо и вся остальная физиология были заточены под совсем другое.

– Все сделаю.

Я уже ожидал услышать за спиной звериный рык и чавканье зубастых челюстей. Но вместо этого раздался истошный стон:

– Сынок!

Меня словно пробило молнией. Я медленно и с дрожью в коленях развернулся. Слишком уж мне был знаком этот голос и эта манера просить у меня особого внимания.

Вновь оказавшись лицом к лицу с римским легионером, у не увидел в нем никаких внешних перемен. Он был все тем же самым человеком из незнакомого мне прошлого.

– Что это значит? – спросил я, а сам сверлил взглядом то древнеримского бойца, то оскалившегося дворецкого.

В каждом из них я видел того, кем каждого из них считал. Никакие отклонения не проявляли себя.

Но тогда кто попытался напомнить мне о моей матери?

Непонятно.

Я медленно утекал из пространства в растерянность.

– И даже когда рана зажила, шрам остается.

Снова звучал вполне нормальный голос римского легионера, за что хотелось прибить или придушить.

И вдруг сразу:

– Сынок!

Я видел, как мужской рот открывается и закрывается. Я видел, как шевелятся губы. Здесь нельзя было ошибиться.

– Это уловка? – спросил я.

– Нет, – ответил легионер и топнул ногой.

– Тогда зачем это?

– Ты звал меня.

– Кого? Тебя?

Я попытался рассмеяться. Но почему-то было слишком уж грустно.

– Я – твоя мать.

– Серьезно?

Легионер и впрямь выглядел серьёзным. Он не шутил.

– Ты просил меня прийти. Ты хотел поговорить и я пришла.

– Нет, нет, нет...

Я схватился за голову, потом обратился к дворецкому:

– Убери это отсюда!

При этом я почти визжал.

– Как? – спросил дворецкий.

Он хотел четких указаний. И он понимал, что я не смогу позволить ему убить свою мать или то, чем она здесь и сейчас казалась. Даже пускай ещё вчера я ненавидел ее всем сердцем.

– Почем мне знать?!

– Простите...

Когда стало совсем неважно, я попросил:

– Уйди, – а сам неторопливо опустился на пол.

Была минута молчания. Затем легионер снова заговорил:

– Никто не будет долго счастлив преступлениями.

– Это ты обо мне? Или о себе?

– Это важно?

– Для меня «да».

Я поднял глаза. Сидеть и наслаждаться кривизной паркетных пластинок – это скучно. И только лишь если есть острая потребность сбежать от самого себя, можно найти в этом особый вычурный и абстрактный интерес. К тому же ягодицам было отнюдь не мягко и неудобно.

Я резко вернулся в вертикальное положение тела.

– Ты никогда не знала и не слушала меня. Вот и сейчас точно также. Зачем ты приперлась в этом идиотском образе?

Я ждал извинений, слез в глазах и эмоциональных рукоплесканий. Но холодному голосу римского легионера было чуждо все выше перечисленное.

– Я пришел таким, потому что это и есть я. И разве ты сам не делал все то, в чем меня обвиняешь?

В моих мыслях произошла заминка.

– Здесь мертвые живы, здесь немые говорят, – сказал я.

Мне тоже были знакомы латинские поговорки.

– Вот видишь...

Но я не видел, а лишь слышал. Я смотрел, но не понимал.

– И что мы будем с этим делать?

– Откуда мне знать? Это ты хотел общения.

– И то правда.

– Тогда валяй.

Но слов не было. Они застряли в горле и не спешили вываливаться на язык.

– Странно...

– Что именно?

– Ты и я.

Мы смотрели друг на друга. Я – на самого настоящего легионера в шлеме и со щитом, он – на человека в шикарном костюме и с бабочкой. Никто бы не поверил в реальность такой встречи. Однако она действительно случилась.

– Чаю? – спросил я, когда вопросы, которые так старательно готовились многие годы, так и не захотели проявляться.

Мне стала ясна вся бесполезность дальнейших усилий. Я сдался в своей настойчивой убежденности отыскать преступную вину своей матери. Я оказался не готов к этой встрече. Она тоже.

– Хочешь с чабрецом?

– Всегда.

– Так и поступим.

На этот раз дворецкого не пришлось звать. Его природная интуиция с лихвой оправдала вложенные деньги.

– Уже готово, хозяин, – заботливо произнёс он и закатил в гостиную десертный столик с глиняным чайником и тонкими фарфоровыми чашками.

– Спасибо, Сурен.

Дворецкий молча расставил чашки, разлил чай и выложил на блюдце кубики сахара и несколько печенек. Затем он удалился.

– Пожалуйста, – сказал я, приглашая к столу свою мать, выглядевшую как римский легионер.

Стульев в моей гостиной не было, как впрочем, не было и другой мебели и иного убранства. Мне нравилось принимать гостей стоя. В этом состоял мой личный эксгибиционизм. Однако тому, кто привык спать на голой земле, было плевать на искусственно возвращённые неудобства. Он мог выдержать любую блажь с моей стороны.

– Мне два кусочка сахара, – сказал легионер, подойдя к столу.

– А я пью несладкий.

– С каких это пор?

– С тех пор, как тебя не стало.

– Но я ведь не умерла. Я все ещё жива.

Два белых кубика с легким бульканьем нырнули под темно-коричневую поверхность. Чайная ложка задребезжала по стенкам.

– Ты же знаешь об этом? – спросил легионер, мешая мне спокойно проводить чайную церемонию.

Я не ответил.

Я продолжал помешивать, помешивать, помешивать... Казалось, мне нравится гипнотизировать себя этим процессом.

– Ответь мне, пожалуйста.

В легионере вновь проснулся жалобный женский голосок. Он знал как правильного на меня надавить.

– Давай лучше помолчим, – в свою очередь попросил я.

– Но ты же хотел поговорить...

Легионер с удивлением вздернул брови.

– Это было слишком давно и неправда. Я лишь хотел, чтобы ты была рядом, чтобы ты слушала меня, чтобы понимала...

– Я здесь.

– Нет, тебе как обычно нужно нечто другое, не связанное со мной. Ты лишь притворяешься.

– И что же, по-твоему, происходит?

– Не знаю. Я лишь чувствую, что ты лжёшь.

– Уверен?

– На все сто.

– И что ты сделаешь?

– Не знаю.

Но я знал. Я тоже лгал как и моя мать. Возможно, это наследственное. Гнилая генетическая линия передалась от матери к сыну.

Я знал, чего хочу. И кровь медленно закипала от осознания этого неукротимого желания.

– Как тебе это?! – злобно прокричал я.

И пока воздух рассекала мощная звуковая волна моего голоса, в стену летела тонкая фарфоровая чашка вместе с напитком, вместе с растворявшимся сахаром и куском металла, именуемым ложкой.

– Что ты наделал? – это был знакомый упрёк.

– Исполнял своё заветное желание.

– Полегчало?

– Нет.

– Ты обещал мне чай.

– Можешь выпить мой.

Я вышел из гостиной с твёрдым обещанием:

«Хватит!»

В прихожей меня ждал Сурен. В его руках опять удерживалось большое серебряное блюдо с конвертами.

– Все хорошо, хозяин? – спросил он.

– Нет. Ничего хорошего, – с тяжелым вздохом ответил я и направился в комнату, которая расценивалась мной как «комната для медитаций».

На самом деле в ней не было ни ковриков, ни бубнов. И даже идолы и истуканы хранились в совершенно противоположной части дома. Мне просто нравилась эта комната больше всех остальных, и поэтому я проводил в ней львиную долю своего времени. Чёрные стены, изумрудный пол, темно-красные шторы... А ещё я разместил в ней изящную мебель. Это был особый набор из круглого стола небесно-голубого цвета и раскладной деревянный стул с обожженной и лакированной поверхностью. Его мне подарили в одном из путешествий в Средний мир лет сто назад или около того.

– Вам что-то нужно, хозяин?

Я молчал, пока усаживался на заранее приготовленный стул. Я молчал, пока пытался спустить гнев и раздражение через обутые ступни ног поглубже в пол.

Сурен меня не торопил.

– Распахни шторы, – потребовал я, когда оказался готов.

Сурен повиновался. Он дернул за тонкую нить рядом с дверным проходом, и темно-красные шторы поползли в стороны.

– Хорошее утро, – сказал я, наблюдая за тем, как большое фиолетовое солнце медленно поднимается над горизонтом.

– Это вечер, хозяин.

Я перевёл взгляд с солнца на слугу, вспомнил кое-то важное – альтернативные законы своей собственной Вселенной, и прошептал:

– Верно. Ты абсолютно прав.

На пике этого внезапного осознания я произвёл щелчок пальцами правой руки.

– Мы с тобой слишком долго ничего не меняли. Триста лет все же долгий срок. Как думаешь?

Я отчаянно надеялся на дельный и искренний ответ дворецкого. Но он был лишь слугой, которому было наказано судьбой во всем со мной соглашаться. И поэтому он молчал. Он не делал предложений и предположений.

Мне снова пришлось разбираться самому.

– Что ж...

За окном помимо фиолетового солнца присутствовали светло-оранжевые горы и салатная поросль у подножия этих каменных глыб. Фоном всего пейзажа было розовое небо. Сейчас мне сложно вспомнить, что именно нарисовало в моей голове эту кислотную картину. Определенно к этому имели отношение вещества, но какие?..

«Бог их знает!»

– Давай уже! – потребовал я от дворецкого, имея в виду поднос с письмами.

Сурен послушно уложил поднос на небесно-голубую поверхность стола. Я протянул руку и выхватил из стопки первое попавшееся.

– Сейчас посмотрим.

Сурен протянул мне короткий крючковидный нож. Я сделал нужное движение и рассек складку конверта.

– Итак...

Мои глаза неторопливо забежали по печатному тексту. Буквы стали последовательно объединяться в слова и предложения. Затем начал проступать смысл всего повествования.

– Хочешь послушать? – спросил я у дворецкого.

Тот опять заостенел, не зная, что ответить. И тогда мне пришлось самому принимать решение.

– Ладно, слушай...

– С радостью, хозяин.

«Но ты ведь не знаешь, что есть радость?»

Дальше я прочитал вслух письмо:

«Здравствуй, дорогой друг.

Ты просил, что бы «Я» пришло к тебе на твой праздник жизни, но мне оказалась категорически непонятна причина твоей радости. Что? Зачем? Почему? Поэтому «Я» предпочло остаться дома до тех пор, пока ты не найдёшь действительных причин для моих телодвижений.

Прошу меня простить за неудобную прямоту. С искренней любовью. Твоё «Я».

– Как тебе?

Да что я спрашиваю? И так все понятно. Ни слов, ни маломальской мимики. У моего дворецкого век и тех не было. Ими он мог бы хоть как-то прореагировать. Но не судьба.

Моя рука отложила в сторону вскрытое и только что прочитанное письмо, затем потянулась к остальным стопке.

– Дзын! Дзын!..

Рука очень хотела, но так и не достигла намеченной цели. Звонок в дверь спутал мои планы. Пришлось задуматься о другом.

– Думаю, это прибыла моя посылка.

– Надеюсь, хозяин.

– Реши вопрос, – приказал я.

Сурен сдвинулся с места согласно направлению к источнику звука.

– Дзын! Дзын!..

Я же положил обе руки себе на колени. Мое бытие сосредоточилось на внутренних ощущениях. Внутри клокотало лёгкое волнение.

«Наконец-то!» – с некоторым торжеством думал я.

Волнение плавно перетекало в ликование.

Я ждал слишком долго этого революционного момента. И потому мне очень не хотелось случайно спугнуть госпожу удачу. Так что я постарался осторожно сдвинуть фокус внимания на нечто нейтральное и безобидное. Я посмотрел в окно.

«Чего-то там не хватает...».

Удачный приём.

Когда-то я был очень увлечён созданием этого прекрасного вида из окна. Моя фантазия оттачивала каждую мелочь, каждую деталь. Но потом творческий пыл поутих, угас былой задор движения в непознанное, и я забросил неблагоприятное дело самокопания творца. Как результат, возникло предположение, что части целого обязаны самостоятельно войти в трансперсональную гармонию и тем самым создать подлинное совершенство. Так вот я разрешил своему идейному продукту самостоятельное развитие.

Но что в итоге?

«Все же чего-то не хватает...», – продолжал мысленно настаивать я.

– Хозяин, вас просят подписать уведомление о вручении.

Скрипучий голос дворецкого не дал мне домыслить. Я снова оставил оранжевые горы и салатную долину на произвол судьбы и среагировал на зов банальности.

– Где? – спросил я.

Кисть правой руки в полной бессознанке дернулась вперёд, предлагая свои приземлённые услуги.

– Здесь, – палец курьера указал на галочку внизу клочка бумаги.

– Хорошо, – сказал я и без заминки черкнул витиеватую закорючку.

– Спасибо.

– Это вам спасибо.

Секундой позже курьер поставил на небесно-голубую гладь стола картонную коробку средней величины.

– Она там? – спросил я.

Курьер был человеком и в отличие от моего дворецкого умел моргать и удивляться.

– Кто «она»?

– Вы не в курсе?

– О чем?

Я достаточно быстро понял, что репликами недоумения не стоит увлекаться. Не этого я ждал долгие триста лет.

– Сурен, расплатись с человеком.

– Как скажите, хозяин.

Навязанные лишние мысли немножко попрдержали уход курьера. Он, также как и я, начал накручивать себя не к месту и не по делу. Но мой инопланетный дворецкий имел цепкую и болезненную хватку трёхпалой ладонью. И этот нюанс всегда работал как самый веский аргумент.

– Хозяин считает, что вам пора.

– Хорошо-хорошо...

Вскоре и дворецкий, и курьер исчезли из поля зрения. Я же остался наедине с картонной коробкой.

«Наконец-то!»

В пределах досягаемости находился крючковидный нож. Я встал со стула. Слюна предвкушения скопилась в углу рта.

– Спасибо и до свидания. Удачного пути. Не спотыкайтесь, пожалуйста...

Сурен как самый старательный слуга выучил все дежурные фразы. Но применял он их обычно не к месту и всем скопом.

Но мне было не до его окультуривания. В тот момент в особенности.

Крючковидный нож был хорошо заточен. Он рассек клейкую ленту одним резким движением.

– Ну, здравствуйте, Александр Дмитриевич!

Едва картонные створки были раздвинуты, мое удовольствие оказалось на пике.

– Как вам живётся?

Мне понравилась моя жестокая шутка. Отрубленной голове из коробки – нет. Она недовольно сморщила гримасу.

– Как же так, Александр Дмитриевич?..

Но слишком долго издеваться оказалось скучно.

– Вы слишком депрессивно выглядите... Пойду-ка я от вас...

На этой торжественной ноте я оставил нож, оставил картонную коробку вместе с одиозным содержимым и вышел из «комнаты для медитаций». Впрочем, чтобы не было чересчур скучно, я прихватил с собой несколько писем с серебряного подноса и сунул их в карман пиджака.

– Пока-пока. Держитесь позитива, Александр Дмитриевич.

Кажется, мой бывший лечащий врач попытался промычать что-то членораздельное. Не получилось. Ксандарианский палач действовал умело и рубил точно по голосовым связкам. Он не любил посмертную болтовню своих жертв. Его заказчики обычно его поддерживали.

– Ещё раз говорю: рад нашей встрече.

– Му-му...

В прихожей я надеялся застать своего верного дворецкого, но он, избавившись от курьера доставки, куда-то и сам запропастился.

– Сурен! – позвал я слугу.

Однако Сурен ни откуда не выскочил, как это обычно бывало. Это было на него не похоже.

Я подождал минутку и снова ничего не произошло. Было досадно.

– Сурен!

И снова никакого ответа.

«Разберусь потом. Сейчас нет для этого настроения», – таким стало мое решение, после которого я начал искать себе новое развлечение.

Я искал его минут десять-пятнадцать: ходил туда-сюда из комнаты в комнату. Цеплялся взглядом то за одно, то за другое. И все без толку. Все было предельно узнаваемым и постылым.

Наконец рука толкнула входную дверь.

– Вы уверены, что хотите покинуть пределы уютного комфортабельного дома?

– Уверен, – ответил я.

– Точно?

– Точно-точно.

– Это опасно.

– Да и черт с ним.

Сегодня меня не могла переубедить даже самая дотошная дверь. Впрочем, она не оставляла попыток.

– Ради вашей безопасности наша охранная компания рекомендует соблюсти протоколы семь и девять. При невыполнении этих условий наша компания снимает с себя ответственность. Вы осознаете это?

– Осознаю.

– Мы выслали вам на почту официальное уведомление о снятии ответственности. От вас требуется письменное подтверждение.

Я никогда прежде не выходил за порог и потому только сейчас узнал, что входная дверь моего дома способна выдавать не в меру много слов и предложений. Возможно, она даже хотела свести меня с ума.

Пришлось с этим разбираться в срочном порядке. Для этого я вынул изо рта изрядно потисканную жвачку и наглухо заклеил ею миниатюрный дверной динамик, расположенный на уровне лица.

– Бу-бу..., – несмотря на затычку из двери продолжали вырываться звуки, но это было уже не столь звонко и агрессивно.

После этого мне сразу стало спокойней жить. Больше никто не перечил и не запрещал ходить туда, куда не нужно.

– Слава богу, – сказал я, наконец-то шагнув за порог.

Там, за порогом, в лицо ударил яркий солнечный свет. Мягкий порыв ветра погладил шершавые щеки.

Я огляделся по сторонам.

Вид из моего любимого окна в «комнате для медитаций» был иллюзорно прекрасен. Но настоящее живое присутствие – это совсем другое дело.

Я сделал шаг вперед.

– Здравствуй, мой прекрасный мир!

Эти слова вырвались из меня сами собой. А потом я внезапно заплакал.

«Что со мной?»

Слезы текли и текли, капали на деревянный настил крыльца.

«Почему я плачу? Зачем? Какова странная причина такого неожиданного пробуждения эмоций?»

Вокруг не было никого из людей. Да и инопланетяне куда-то задевались. Оставалась лишь вычурная природа. А значит, никто не мог ответить на мои слезливые вопросы. Трава, горы, небо, песок – все они представляли собой одно сплошное молчание.

«Почему?»

Я задрал голову высоко вверх. Я продолжал лить слезы.

Мне было больно.

И в голове свербел один и тот же закадычный вопрос:

«А если бы здесь был некто с даром речи? Что тогда?»

Интересный вопрос.

Целых триста лет я жил в идеальном жилище с идеальным видом из окна и идеальным слугой. И сегодня это закончилось.

«Я знал, что так будет?»

Конечно же, знал. Более того, надеялся и верил.

Деревянное крыльцо было невысоким. Оно имело всего три ступеньки, выкрашенные в лиловый цвет.

«Кто-то его красил. Наверное, каждый год, обновляя поверхность, нивелируя последствия солнечных вспышек и проливных дождей. И кто же он? Где он?»

Я сделал шаг прочь от дома. Деревянный настил под ногами приятно заскрипел. Это было что-то новое, не обрамлённое в трехсотлетние привычки. От этого наслаждения даже слезы отступили.

– Ура! – вырвалось из груди.

И словно окрылённый новизной лёгочных вибраций, я резво спустился по ступенькам, затем пошёл дальше, не стал останавливаться.

Когда кончился деревянный настил, начался шуршащий под подошвами песок. Ему на смену пришла мягкая сочная трава. Я шагал вперёд, почти бежал, не желая останавливаться.

И вдруг...

– Ай!..

Так мне пришлось убедиться, что зачастую от наших желаний мало что зависит. Я не стал исключением. Инерция движения сделала мне очень больно. Я со всего маху угодил носком правой туфли во что-то очень твёрдое и в результате едва не переломил большой палец.

«Что ж так больно?» – спрашивал я, хватаясь рукой за раненую ступню.

Но правильнее было бы спросить:

«А во что я собственно врезался?»

Я действительно задал этот вопрос, но только позже, когда боль в большом пальце пошла на убыль. И тогда я смотрел во все глаза, пытаюсь разобраться и увидеть причину. Но я видел все те же горы и все прочие природные достопримечательности.

– Тук-тук!

Голос из-за спины заставил меня вздрогнуть и испугаться.

Я повернулся.

– А ты здесь что делаешь?

Мой взгляд непреднамеренно упёрся в римского легионера, от которого я прежде чудом избавился.

– Слежу за тобой.

- Зачем?
- Я твоя мать.
- Кажется, мы уже решили этот вопрос.
- Все нет.

Понимая, что бессмысленно спорить, я вернулся к поиску причины. Правая нога болела, левой ногой рисковать не хотелось, так что я вытянул левую руку вперед и попытался нащупать невидимую преграду.

- Что там? – спросил римский легионер.
- Кажись, стена. По ощущениям – стекло, но не хрупкое.

Высоко над головой раздался птичий возглас:

- Кар-р-р!
- Я посмотрел вверх, чтобы убедиться.
- У нас здесь есть вороны?
- Ты меня спрашиваешь?

Римский легионер внезапно проявил чудеса сарказма. Впрочем, для моей матери это было не в новинку.

- Мне казалось, ты создал этот мир. А значит, лишь тебе доступно знать его содержимое, – заявила она.
- Точно...

Крайнее утверждение я недовольно пробурчал себе под нос. Легионер (он же моя мать) был прав. Я как Творец был обязан знать все. Однако я не знал. Ни в моей голове, ни в моем сердце не было никаких упоминаний ни о каркающих воронах, ни о невидимых стенах-препятствиях.

- Почему?
- Ты снова спрашиваешь меня и снова твой вопрос неуместен.
- Почему?
- Я не та часть тебя, которая знает. Я та часть тебя, которая берет на себя вину.
- Не понимаю...
- И правильно. Для понимания у тебя есть я.
- Ты же моя мать... Или нет?
- Да. Я твоя мать. Но я не настоящая.
- То есть?
- Всё здесь не настоящее. Цветы, деревья, горы, слуги... Реальна лишь стена.
- Почему?
- Здесь мертвые живы, здесь немые говорят.
- Не понимаю...
- Мы живем и существуем исключительно в твоей фантазии. Ты называешь ее мастерской.

#второй

Я проснулся от громких звуков. Открыв глаза, я увидел несколько мигающих лампочек.

– Пристегнитесь, пожалуйста. Мы входим в зону турбулентности.

Девушка в темно-фиолетовой пилотке стояла на проходе и сверлила меня выжидающим взглядом.

– Вы уж ее послушайте, – посоветовал пожилой мужчина, сидящий со мной в одном ряду, – Иначе она вам выдаст подзатыльник.

– Ладно.

Я сделал правильный выбор.

– Спасибо, – сказала строгая стюардесса, когда ремень безопасности оказался затянут на моей талии.

Потом она ушла.

– Думаю, она видит в вас своего отца, – сказал пожилой мужчина, едва девушка удалилась на безопасное для откровений расстояние.

Я посмотрел на него.

Между нами было свободное место. Но все равно казалось, что он дышит мне в лицо. А еще в пальцах его правой руки была зажата огромная дымящая сигара.

– Разве в самолете не запрещено курить? – спросил я.

Старик усмехнулся и погладил левой ладонью свою седую бороду средних размеров.

– Мне можно.

Такой ответ меня выбесил.

– Что это значит?

– То и значит.

Старик сделал очередную затяжку и смачно выпустил облачко дыма в потолок. Затем он иронично посмотрел на меня и добавил:

– Вы мне напоминаете одного из моих учеников.

Пауза.

– Он такой же строптивый и вечно недовольный.

Я сдержался, промолчал.

Старик злил меня и мне очень хотелось надавать ему по мордасам. Но у меня было правило не бить стариков. Плюс ещё были общественные правила. Так что пришлось мне старательно смириться, впиться ногтями в ладони и сидеть еле дыша.

– Расслабьтесь, молодой человек...

Старик продолжал курить и продолжал говорить.

– Может, вам все-таки стоит заняться в туалете сексом с этой милой девушкой в пилотке. Вам только нужно подойти к ней и стать тем, кем она вас видит. Это легко.

– Вы совсем сдурели?!

Опомнившись, я понял что все же не сдержался. Чувство вины стало неприятно зудеть в глубине солнечного сплетения. А взгляд мой испуганно забегал по салону: глаза настойчиво искали неприятные гримасы полные безмолвного укора.

– В этом и есть ваша проблема.

– Какая?

– Вы не слушаете себя.

– Это моё дело.

Казалось, мой пожилой сосед не знал как самостоятельно угомониться.

– И вообще, можно просто помолчать? – спросил я с предельным недовольством в голосе.

– Нет.

- Почему?
- Не получится?
- Почему?
- Мы будем сейчас обедать.
- Я не хочу обедать.
- Хотите.
- Не хочу!
- Тогда зачем же вы заранее приготовили ложку?
- Я оторопел.

Но даже до того как глаза устремились взглядом на правую руку, тактильные ощущения в пальцах уже успели сообщить:

«Ты действительно удерживаешь нечто в руке».

Глаза лишь подтвердили уже известное.

И я увидел большую алюминиевую ложку. Давно таких не видел. Со школьной столовой, наверно.

– Не понимаю... – прошептал я.

Потом, когда эмоции изумления немного поутихли, я обратился к старику со словами:

- Что происходит?
- А как вы думаете?

Он снова ухмылялся. Он знал секрет, но не собирался им делиться. Во всяком случае, безвозмездно – это точно.

- Сколько? – спросил я.
- Вы действительно этого хотите?
- Хочу.
- Уверены?
- Абсолютно.
- Тогда не обессудьте.

Употребив странное витиеватое слово в конце реплики, дедушка полез рукой во внутренний карман пиджака.

Я ждал. Мне было интересно, что же будет дальше.

Пока медленно и неторопливо текло время этого короткого ожидания, я стал эстетически присматриваться к чужому пиджаку. Клетчатый, тонкого покроя, крупные квадратики демонстрировали все оттенки серого. Мне понравился такой дизайнерский ход. И сразу захотелось купить себе нечто в том же духе.

– Вот.

Дедушка вынул из кармана сложенный в четверо лист бумаги формата А4 и протянул мне.

Я сначала взял его в руки и лишь потом спросил:

- Что это?
- Договор.

Принимая принцип хитроумной немногословности случайного попутчика как данность, я не стал его пытаться выспрашиванием деталей. Эта стало бы очередной напрасной тратой времени, ведь дедушка любил экстатически возвращать своё самолюбование, как и непрерывно чадить своей нескончаемой сигарой в салоне самолета.

Итак, я развернул некий документ и начал бегло с ним знакомиться.

Я прочитал быстро. Было совсем немного слов, а значит, не было повода залипать в процессе. С другой стороны, прочитанное воспринималось как сплошное безумие.

- Что за бред? – спросил я, пытаюсь смотреть на старика как на сумасшедшего.
- Отнюдь. Все логично.

– В каком это месте?

– Во всех.

Мой сосед по ряду кресел сделал очередную затяжку, а потом продолжил:

– Вы только что были готовы на все. Неужели в вас включился задний ход?

– Но...

Я держал в руке лист бумаги. Пальцы мечтали скомкать его, а потом изорвать. Но все же в душе присутствовал некий азарт.

– Разве нельзя найти компромисс? – поинтересовался я в легкой попытке поторговаться.

– Нельзя.

Я задумался.

А бородатый дедушка-курильщик тем временем радостно встрепенулся.

– Милочка..., – окрикнул он стюардессу.

Та, мягко покачивая бёдрами, подошла к нам с другого конца салона и улыбнулась.

– Кажется, время ужинать, – предположил мой новый знакомый.

– Только через полчаса, – ответила девушка, стараясь быть предельно вежливой и тактичной.

– Но нам очень нужно...

Дедушка сложил ладони на груди как самый заядлый адепт йоги, а потом медленно склонил голову вправо.

– Пожалуйста, – добавил он, – моему спутнику срочно нужно переварить свежие идеи. Это жизненно необходимо.

Девушка оценивающе изучила нас обоих. При этом я почему-то не выразил никакого протеста, словно был полностью согласен с происходящим.

– А что мне за это будет?

Я напрягся. Из разнобоких случайностей складывалось впечатление, что сегодняшним днём провозглашена безграничная коммерциализация.

Дедушка тоже напрягся. Впрочем, думал над решением он совсем недолго.

– Подписывай, – сказал он мне.

Безапелляционный приказ не давал мне пространства для манёвра. И все же я попытался воспользоваться последней отмашкой:

– У меня нет ручки.

– Так вон же она. В вашей руке.

Я посмотрел на руки.

В левой лежала бумага, требовавшая подписи. В правой действительно находилась шариковая ручка.

«А куда делась большая алюминиевая ложка?»

Я точно помнил о присутствии в моей жизни большой алюминиевой ложки.

Или же меня начало клинить?

– Молодой человек, девушка ждёт. Это невежливо.

– Сейчас, сейчас...

Так уж я был воспитан: сначала исполнять желания женщины, а уж потом разгребать последствия.

Черканув шариковой ручкой в нижнем правом углу листа бумаги, я вернул документ бородатому старику.

– Вот.

Дедушка, не взглянув на документ и краем глаза, незамедлительно передал его в следующие руки.

– Это вам, – сказал он.

Девушка взглянула, вчиталась, после чего спросила:

– Тут написано, что все движимое и недвижимое материальное имущество указанного персонала передаётся в собственность Марии Медичи, верной и незыблемой царице «служителей Иеговы». Это шутка?

– Нет.

– Но меня зовут Алла Гаврилова, и я не имею никакого отношения к «служителям Иеговы».

– Черт!.. – выругался дедушка.

Машинально почёсывая затылок, он окинул взглядом окружающее пространство.

– Снова не в том месте и не в то время. Континуум совсем не щадит моё здоровье.

После этих слов старик внезапно замер, словно складки кожи его лба судорожно зажали очень важную мысль.

– Впрочем...

Его рука бросила так и не докуренную сигару через правое плечо, а потом аккуратно уцепилась за мягкую миниатюрную женскую ладонь.

– Дорогая Аллочка. Вам нужно торопиться. Вы отстаёте по графику, вычерченному Вселенной. Бегите и не оглядывайтесь. Станьте до конца часа Марией Медичи, станьте царицей и, что тоже немаловажно, возглавьте уже «служителей Иеговы». Без вас они совсем пропадут.

– Хорошо, – пообещала стюардесса, сияя как солнышко.

Затем она развернулась вектором движения в сторону кабины пилотов и с гулким топотом каблук ринулась в заданном направлении.

Я провожал её взглядом, пока мог.

Чуть погодя я спросил:

– А как же ужин?

Мой спутник дерзко махнул рукой и сообщил:

– Рыба невкусная. Можешь уже убрать свою вилку.

Я посмотрел на правую ладонь. Теперь она и впрямь сжимала вилку.

Следующие десять минут прошли в полном молчании. Я то ли не решался заговорить, то ли пребывал в интеллектуальной прострации. Но в конце концов во мне проснулось либо мужество, либо здравомыслие.

– Вы аферист? – спросил я.

– С чего вы взяли?

– Вы только что лишили меня всего важного в моей жизни и ничего не дали в замен.

– Да неужели?

Старик снова впился пальцами в затылок.

– И что же это такое важное, но утерянное?

– Мебель, телевизор, бытовую технику, три счёта в банке...

Закончив чесать затылок, старик начал почесывать бороду.

– И впрямь... не повезло тебе...

Внутри меня возникло легкое удовлетворение, ведь наконец-то хоть кто-то услышал про мои стоны и страдания.

– Хотя знаешь...

В этот момент старик перегнулся через свободное место между нами и хлопнул меня по колену.

– Я тоже потерял кое-что важное...

– И что же?

Старик выпрямился. Я смотрел на него со смешанными чувствами. Тут было и неприятие, потому как я не любил, когда меня трогают. Имело место недоверие, ведь я считал важными лишь те вещи, что были непосредственно связаны с моим бытием. А ещё мне хотелось кушать!

– Моя сигара была безвозвратно утеряна.

Дедушка ностальгически гладил себя по груди.

– Столько лет, столько зим...

Я не понял этих его чувств. И более того, снова не сдержался:

– И слава Богу!

Меня угнетала чертова сигара и производимый ею дым.

– Какому именно? – иронично уточнил мой попутчик.

Он повернулся в мою сторону, не отрывая головы от подголовника. Рука продолжала ласкательные телодвижения.

– Нынче слишком много богов. Каждый день меняются.

Я недовольно поморщился.

– Это просто фигура речи.

– Нет.

Дедушка зевнул.

– Все простое на поверку оказывается сложным.

– Вы цепляетесь к словам.

– А вы за словами совсем не следите.

– Что?!..

«Блин!»

Все эти беседы со странным старикашкой начинали меня угнетать и выводить за грани дозволенного. Я приподнялся в кресле, насколько позволял пристёгнутый ремень, и стал искать взглядом служебный персонал.

– Хотите сбежать? – прямой вопрос раздался раньше времени.

Мне-то хотелось улизнуть незаметно и без вопросов. Естественно, что при таком повороте событий совесть заставила меня соврать.

– Мне бы в туалет...

– А..., – возрадовался пожилой мужчина, – Вы все-таки решили прислушаться к моему совету?.. Но вам лучше поспешить. Она вот-вот выпрыгнет из самолета.

Он тут же, как главный оплот вежливости и благодушия, расстегнул свой ремень и вышел в проход между рядами, освобождая мне путь к туалету. Я же не стал отказываться от такого счастья, тоже разобрался с ремнём безопасности и начал движение при помощи ног.

– Удачи! – сказал дедушка и приободряюще коснулся моего плеча.

– Спасибо.

– Опять вы со своим Богом заладили.

Замечание было дельным, но не едим. К тому же оно исходило от самого сердца.

– Простите.

Ещё мгновение и я уже шагал между рядами. И слева, и справа от меня сидели разные люди: мужчины, женщины, дети...

Странно, но только упершись в шторку, отделяющую эконом от бизнес-класса, я вспомнил, что обещался сходить в туалет. Но все знали, что туалет расположен в хвостовом отсеке. Я же приперся в прямо противоположную часть самолета.

Развернувшись лицом назад, я попытался увидеть своего соседа по креслам. Это был рефлекторный жест извинения. Ведь я как-никак солгал.

Но я не увидел дедушку с того, места, где стоял.

«Вот что значит экономить на предварительном выборе места. Без денег тебя всегда стремятся запихнуть в самый конец».

Когда мне надоело ломать глаза, я вспомнил про стюардессу.

– Простите...

С очередной дежурной фразой я осторожно отодвинул штору и аккуратно вторгся в пространство бизнес-класса.

Осторожность оказалась лишней. Все кресла повышенного удобства были пусты. Никто не хотел летать в Южную Америку за бешеные тыщи.

– Извините...

Я двигался дальше. Я искал стюардессу. И я её нашёл.

– Вы ещё здесь!

В душе все возрадовалось.

– К сожалению.

Стюардесса в отличии от меня была огорчена существующим положением дел.

– Что-то не так? – спросил я, включая инстинктивную эмпатия.

– Все плохо.

– А точнее?

– Пилоты не разрешают мне прыгать.

В мгновение ока я сообразил, что прежнее рабочее одеяние девушки сменилось на новое. Теперь она была больше похожа на бывалого прапорщика, наряженного в походный камуфляж и походные ботинки. Из-за спины у неё выглядывал большой рюкзак. Я так понял, это был парашют.

– А в чем собственно дело?

– Говорят, что летим над опасной зоной. Лучше не рисковать, пока не покинем её.

Я задумался. Ненадолго.

Стали включаться очередные инстинкты. Согласно им я не мог стоять по стойке смирно, пока девушка находилась в беде. Но была ли эта ситуация критической? Очевидно, что я сам себя накрутил.

Тем не менее, против инстинктов не попрешь.

– Сейчас, – сказал я и протиснулся мимо девушки.

– Что вы делаете? – спросила она.

Я ответил:

– Сейчас все решу. Не переживайте.

– Да я и не переживаю.

Она была права. Я завёлся на ровном месте, беспорядочно двигаясь к неопознанной цели. И как результат, начал бездумно колошматить в запертую дверь кабины пилотов.

– Эй, вы, там! Открывайте!

Естественно, никто не открыл. Видимо решили, что я полудурок. А я в ответ разозлился (или испугался) ещё больше. Не хотелось мне выглядеть бессильным импотентом в присутствии красивой девушки.

– Открывайте!!!

Я стал кричать ещё громче, а колотить не только руками, но и ногами.

– Что вы делаете? – женские пальцы коснулись моего локтя.

Так девушка попыталась внести в ситуацию долю благоразумия. Но где уж там... Номер не прошёл. С раздражением близким к помешательству я оттолкнул её от себя, схватил какую-то металлическую трубу, лежавшую на полке без дела, и таким образом добавил мощностей своему намерению.

– Открывайте, твари!!!

– Открыто, молодой человек.

Это сказал встроенный справа от меня динамик.

Я опешил.

«Я же проверял...».

Мозг упорно прокручивал события недавнего прошлого в той последовательности, в какой запомнил. Он был четко уверен, что мир не мог поменяться без его величайшего разрешения.

С опаской я положил ладонь на дверную ручку, затем повернул. Замок поддался.

– Бред какой-то, – произнёс я, шагая в открывшийся проём.

– Как я вас понимаю...

И снова молния через все тело. Мои ноги стали подкашиваться.

– Осторожней, молодой человек. Присаживайтесь. У меня тут свободное место специально для вас.

Едва не уткнувшись носом в приборную панель, я смог совершить самый настоящий подвиг. Не сойти с ума и без потери сознания приземлиться задницей в кресло второго пилота. Как только это произошло, я посмотрел влево.

– Снова вы?

– Да.

– Что вы тут делаете?

– Работаю. Разве не видно?

Чертов старик смотрел на меня. Ему было смешно. А мне нет.

– Как вы сюда попали?

– Я всегда был здесь.

– В смысле?

– Это моё призвание.

– Какое именно?

– Рулить, конечно же.

В конце странной полемики я внезапно вспомнил про даму сердца, честь которой я так отчаянно пытался отстоять.

– Алла..., – позвал я стюардессу.

Она не ответила.

Я бросил взгляд в сторону распахнутой двери. В проёме никто не виднелся.

– Поздно, – одернул меня словом пожилой мужчина, который таинственным образом перевоплотился в старшего пилота.

Теперь на нем была одета фуражка с кокардой. Во рту дымилась новая сигара.

– Что вы имеете ввиду?

– Фокус не удался.

– Какой ещё фокус?

– Не стоит прыгать из самолета, если пролетаешь над Бетлицей. Гиблое это место. Ещё бабка наглая сказала.

– Какая бабка?

– Кажись, моя жена... Не помню. Старый я стал...

Дедушка сорвал с себя фуражку и бросил мне на колени. Сам же стал почесывать затылок и рассуждать:

– Значит, решил слетать в Перу?

Это он меня спрашивал.

– Да, – ответил я.

– Дурацкая затея.

Если честно, мне и самому стало так казаться. Простое путешествие постепенно перерастало в самый настоящий сумасшедший дом.

– Но ты не переживай. В следующем году будем на месте, – пообещал дедушка.

Не переживать было сложно. Вся моя прежняя жизнь была одним сплошным переживанием. Помнится, я вздрагивал даже от звонка телефона, предполагая:

«Как бы чего не вышло...».

Идеальный человек в футляре, а значит и самый лучший объект для сторонних манипуляций. Естественно, я напрямую этого факта не осознавал. Мне казалось, что я рулю своей жизнью. Но на самом деле ей распоряжались все кому не попадя. Начальник угрозами и запугиванием требовал выполнения плана, от которого зависела его, а не моя премия. Моя мать тянула из меня деньги, рассматривая меня как свой долгосрочный вклад. Моя бывшая мечтала реализовать свои детские конфликты через меня. И ещё многие... Даже продавщица в магазине, которая сунула мне фальшивую тысячную банкноту. Ведь я потом целую ночь бегал по разным торговым точкам, пытаюсь передарить кому-то другому это достояние республики.

– Дать порулить?

– Что?

Опомнившись, я увидел как дедушка держит штурвал одним лишь мизинцем.

– Желаеть?

– Нет, спасибо.

Я отказался. Хотя мог бы стать смелым и решительным.

«Как обычно слишком много «если». А мог бы хоть раз собраться и оторвать жопу от насиженного места!»

Я молча упрекал себя. Это тоже была моя внутренняя изюминка.

Или это снова моя интернализированная мать?

Тогда понятно почему я никуда не двигаюсь. Ей назло. Своеобразный способ мести. Либо банальный протест против системы доминирования.

«Да ну его!»

Внутренние стенания достигли своего утомляющего апогея. И потому я решил переключить внимание на нечто отстраненное.

– Так что случилось Аллочкой? – спросил я.

Дедушка (он же старший пилот) крутил-вертел штурвал как хотел. Ему было не до моих глупых вопросов.

– Что ты сказал? – переспросил он, в очередной раз выправляя самолёт вправо.

– Что с Аллой?

– Какой ещё Аллой?

– Стюардессой.

– А...

Освобождая себя для полноценной беседы, дедушка нажал на зеленую кнопку автопилота и повернулся ко мне.

– Погибла она. Разбилась вдребезги. Мозги растеклись по всей полянке.

Я офонарел от таких откровений. И пока я это делал, дедушка на средней громкости напевал похоронный марш:

– Ту-ту-ту-ту... ту-ту-ту-ту... ту-ту-ту-ту...

– Но...

Дедушка в некотором негодовании хлопнул в ладоши.

– Знаю, – сказал он, – Она умерла, а ты так и не успел ей присунуть. И тут ты сам виноват, ротозей. Я тебе говорил: давай-давай! А ты: в греческом зале, в греческом зале...

– Нет.

– Да!

С ним было невозможно спорить. Однако я все же пытался.

– Как такое могло произойти? – спрашивал я.

– Ну ты же хотел, вот она и прыгнула. Женщины по природе склонны забивать себе башку мужскими идеями. Но ум-то заточен под бабу. Вот и получается...

– Ты должен был её остановить!

– Я?

Дедушка попытался было вернуться к штурвалу, но я схватил его за плечо.

– Ты должен был спасти ей жизнь.

Слегка мутные старческие глаза прошлись по мне стамеской предельного удивления, а морщинистая рука медленно и демонстративно сняла мою ладонь с чужого плеча и поместила на моё колено.

– Спасение утопающего дело самого утопающего, – сказал дедушка, выдержав необходимую паузу, – К тому же нужно открывать новые горизонты.

– То есть?

Вместо ответа мой странный попутчик кивнул головой в сторону выхода. Я посмотрел туда же.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте.

В дверном проеме стояла пухленькая мадам лет сорока. Она была одета в коротенький топик из которого все вываливалось и старые потертые треники, что вот-вот были готовы треснуть и разойтись по швам из-за громадного излишка жира на ляжках и ягодицах. И лишь стандартная темно-фиолетовая пилотка давала понять кто есть эта женщина.

– Ну как тебе? – спросил меня мой капитан, – Махнулся не глядя.

У него неизменно присутствовало состояние «радости полные штаны». А я вот от такой новизны недовольно сжался.

– Да ты чего?

Его старческая рука схватила меня за щеку и таким нелепым образом попыталась приободрить.

– Самый сок, а не баба!

– Возможно, – промямлил я.

– Не возможно, а совершенно точно.

Дедушка игриво подмигнул новой стюардессе, затем отпустил мою щеку и спросил:

– Что у нас сегодня на обед, Катенька?

– Помидоры, огурцы...

– ...вот какие молодцы... Давай!

Стариковские ладони притирались с явным предвкушением. Я же снова чувствовал себя не в своей тарелке.

– А что-нибудь поинтереснее? Мясо, например.

Едва прозвучало слово «мясо» новоявленная стюардесса страшно выпучила глаза и плотно сжала губы, словно боялась выпустить из себя наружу нечто опасное.

– Ты что такое говоришь?

Дедушка недовольно погрозил мне указательным пальцем.

– Не нужно безобразничать...

Мой мозг не принимал вины, но тело согласно прежнему болезненному опыту сделало все как надо: сжалось, скривилось и перестало дышать.

– Дышите, мой друг.

Я выдохнул.

– Ваша смерть нам не интересна. Но и ваша глупость тоже.

Дыхание медленно восстанавливалось.

– Никакого мяса, никаких злаков! С этих пор мы кушаем только овощи и фрукты.

– Зачем?

– Можно считать это новой идеей «фикс». Достаточная причина?

Я пожал плечами.

– Уже все равно? Так быстро все надоело?

Теперь я просто промолчал.

– Понимаю..., – пробурчал тот, от кого никак нельзя было избавиться.

Повисло молчание. Оно длилось час, а то и больше. Я сидел в кресле, уставившись вперёд. Дедушка сидел в кресле, уставившись вперёд. Толстожопая стюардесса стояла в проходе и тоже смотрела вперёд.

И что же все мы хотели увидеть?

Облака? Белогривых лошадок? А может нечто сакральное, скрытое за нашим совместным мироописанием?

– Дурацкая идея, – дедушка первым нарушил длительное молчание.

– Это вы сейчас о чем?

– Твоя поездка в Перу... Самый настоящий бред сумасшедшего.

– Возможно, – прошептал я.

После длительного молчания я ощущал во всем теле непривычный уровень расслабленности. И мне это нравилось. Даже не хотелось снова начинать говорить. С другой стороны имелась острая необходимость объясниться.

– Хотел слетать на историческую родину.

– Летел бы тогда во Владивосток.

– Не на свою.

– Тогда на чью же?

– Великого учителя.

– Пфу...

– Карлоса Кастанеды.

– Не смей смешивать мои ботинки...

– Для меня это важно.

– Для тебя все важно: прогноз погоды, содержание цезия в сточных водах, уровень углекислоты над Джомолунгмой и тому подобное. Ты не можешь без этого как без пряников. Детали, детали, детали... Ты пытаешься в каждой из них найти скрытый смысл, а потом спрогнозировать идеальное будущее. Но ничего хорошего из этого не получается. Никогда. И тогда в тебе зарождается глубокое чувство вины, что в этот раз ты плохо старался. И тогда возникает обещание сделать в следующий раз все намного лучше. Но снова не получается. И снова вина. И так изо дня в день, пока не начинает накапливаться усталость. А потом ты просто начинаешь желать, чтобы все закончилось. Однако не знаешь, как это сделать. И возникает бредовая идея: дай-ка я сбегу в Перу. Там малярия, паразиты и каннибалы. Кто-нибудь обязательно довершит начатое.

– Вы утрируете, – перебил я.

– А ты индальгируешь.

Тут я не мог не согласиться. И от этого мне стало очень-очень грустно.

– А что если мы?!..

Дедушка подскочил как ошпаренный в некоем порыве энтузиазма, от чего больно ушибся головой о низкий потолок.

– ...вмажем?!

– Ты это о чем?

Я буквально растекался в кресле и новые фантастические идеи не имели возможности проникнуть в мой разум.

– Ну, ты же хотел убиться?

– Да...

Мне было лень даже спорить.

«Так оно или не так – кому какое дело?» – думал я.

В таком расслабленном состоянии я был со всем согласен.

– Так давай уже сиганём с самолета. Нам даже и парашют не нужен. Ведь мы не ищем спасения.

– Не ищем...

– Так что?

Я не знал, что ответить.

Что ж, мой неугомонный попутчик все решил за меня.

– Сигаем! – сказал он и, схватив меня за шкирку, потащил меня к выходу.

В дверях нас встретила стюардесса. Она принесла на большом пластиковом блюде зеленого цвета целиком зажаренную курицу в окружении гарнира из риса и овощей.

– Вы же говорили, что никакого мяса?

Новое обстоятельство заставило меня оживиться. Лень и усталость вмиг улетучились. И я уперся рукой в стену, не давая тянуть меня дальше.

– Да черт с ним с мясом, – говорил старик, – Сейчас другое важно.

Он не хотел, чтобы я менял решение. Собственно, я и не собирался менять. Я лишь уточнял детали:

– Почему так?

– Просто захотелось.

Стюардесса произносила слова с такой наивностью и простотой, словно была пятилетним ребёнком, а не женщиной предпенсионного возраста.

– Это как? – спросил я.

Мне вдруг стало невероятно интересно.

– Подумала, что утро вечера мудренее. К тому же за бортом такие красивые звезды... сразу возникло желание что-то создать и поделиться этим с другими. Это плохо?

– Нет.

Но что-то было не так. Не в ней. С ней все было в порядке. Радость, улыбка на лице и умное слово «аттракция» – именно с таким настроением хочется принять от другого человека либо жареную курицу, либо что-то ещё менее значительное.

А вот со мной была действительно беда. Я не умел так как она.

Почему?

Никто не научил. Никто не подсказал. Никто не показал как нужно.

И вот тридцать пять лет прошли в бездумном созерцании неприятного и противоестественного.

– Давай!

Мой крик скособочил дедушку вопросом.

– Открывай уже двери. Прыгать – значит прыгать.

– Окей.

Стюардесса отошла в сторону.

– Нет, – сказал я, – Лучше вам совсем уйти. Шагайте в салон и там раздайте курицу людям. Пусть порадуются.

Стюардесса молча кивнула и удалилась.

– Ну что? Я готов.

Дедушка подмигнул мне левым глазом. Почему-то теперь на его другом глазе была чёрная повязка как у пирата.

«Опять детали...», – подумал я, – «Этот мир хочет увести меня в сторону. Он снова хочет, чтобы я сыграл в залипашечку».

– Давай! – повторил я для убедительности.

Дряблая, но сильная рука старика послушно рванула крепления замков.

– У-у-х!!!

Дверь улетела в небытие. Два человека пока ещё держались.

– Как думаешь, что нас там ждёт?

– Деперсонализация?

– Смешно...

Поток ледящего воздуха тянул нас за волосы.

– Я надеялся на большее.

Дедушка впервые за все время был серьёзен. Он не смеялся.

– Мы все надеемся. Но в душе мы прекрасно осведомлены по поводу реального положения вещей. Это бесконечно долгая игра «знать – не знать» завела в тупик миллиарды существ. Ты не первый и не последний. Такова правда жизни.

От этих слов мне не стало легче. А ещё щеки покрылись инеем.

– Как там говорится?.. Перед смертью не надышишься?

– Кажется...

Я сделал шаг вперёд. Я разжал пальцы рук.

– Удачи, – пожелал мне одноглазый старик.

– А как же вы? – спросил я, опасаясь предательства и дезертирства.

– Фантазии не летают. Они навечно прибиты к земле.

Я сделал ещё один шаг вперёд. Потом испуганно обернулся. Теперь на меня смотрела огромная алюминиевая ложка, одетая в клетчатый пиджак.

– Печально.

Это была моя последняя сознательная мысль, а потом ветер подхватил меня и унёс за собой.

#третий

Наверное, вы ничего не поняли...

И правильно.

На самом деле вся эта история началась намного раньше. Так что правильнее вернуться основательно назад во времени и рассказать о том, как на одном из тренингов личностного роста я впервые столкнулся с Капитаном. Точнее его звали отнюдь не Капитаном и так он сам себя никогда не называл. Это я его так прозвал. И в моем мозгу это прозвище прилипло навечно.

Причина такого выбора наименования была самая банальная – мое личное впечатление.

Войдя в первый день тренинга в помещение безопасного пространства и увидев этого человека, фривольно развалившегося на диване, я поспешно отвернулся и пошёл дальше. Я отгородился от него, навесив ярлык «неприятный», и продолжил жить своим привычным порядком. В том жизненном укладе меня интересовали исключительно красивые девушки с хорошей фигурой и длинными волосами. Недоступные для меня они, тем не менее, были крайне притягательны. Они давали волю моей бурной фантазии, когда актерское и сценарное мастерство в порнофильмах заходило в тупик.

Но на том тренинге и в том безопасном пространстве женщин моей мечты не существовали. Были лишь толстозадые любители сдобных плюшек и невыразительные дамы, одаренные дисгармонией. Все они уже с первых минут начали жаловаться на жизнь и этим скоротечно меня утомили, даже можно сказать кастрировали.

Дойдя до конца зала, я так и не встретил ничего и никого интересного. Ради разнообразия и в качестве жеста доброй воли я обнялся с ведущей тренинга Дашей, которую в душе считал законченной дурой и той ещё лицемеркой. Только вот и эта картина маслом меня не развеселила.

– Рада, что ты приехал, – сказала Даша.

– Такое нельзя было пропустить.

– Спасибо.

– Тебе спасибо.

Я попытался было улыбнуться, но лицо лишь безобразно искривилось. И тогда я поспешил его спрятать, отвернувшись к стене.

В конечном итоге на таком вот событийном безрыбье я хочешь – не хочешь, но вернулся взглядом к человеку, которого уже пытался мысленно аннигилировать.

Сразу стало ясно, что не получилось.

Этот человек все ещё сидел, свободно развалившись и широко раскинув руки на спинке дивана. Он существовал независимо от моих желаний. Одна его нога была закинута на другую так, чтобы лодыжка лежала поверх колена, а другое колено смотрело вбок. Много волос, бандана, странное одеяние со странным узором, являвшимся сочетанием желтых, зелёных и фиолетовых нитей. И лицо...

Этот человек вычурно и невозмутимо излучал огромный неистовый поток радости и счастья. Он словно улыбался всему миру и этой своей странной улыбкой как бы пытался засосать весь мир внутрь себя.

Осознав такую вот пугающую суть, я также понял причину своего зрительного бегства.

«Какая отвратительная рожа...», – на ум тотчас пришла эта знаменитая цитата.

С ее помощью мой мозг попытался извратить нелицеприятную реальность. Не срослось. Слишком уж сильна была вычурная улыбка незнакомца.

Что ж...

Тогда мозг зашёл с другой стороны.

«Так это же Джек Воробей!» – воскликнул он.

Новая уловка на удивление сработала. Произошла стремительная подмена понятий. И в один миг то, что пугало, стало уморительно смешным. Страх растаял, и я смог продолжать жить без опасений.

Правда, счастье длилось недолго.

Так уж вышло, что одна из участниц изрядно припозднилась. Она задержалась, приехала только следующим утром.

Мы с ней случайно встретились и познакомились за завтраком.

– Привет.

Я был в тот момент слишком увлечён овсянкой, чтобы среагировать сразу. Однако когда все же соизволил оторвать глаза от миски, то, как обычно, влюбился с первого взгляда.

Да и как иначе?

Девушка была не просто красива. Она была вылитой копией моей любимой британской актрисы Дженны Коулман.

«Это судьба», – подумал я и в кое-чем не ошибся.

Вслух мои губы пробубнили ответное:

– Привет.

– Яна.

– Очень приятно...

В следующий раз мы встретились на кухне после отбоя. Сначала там были и другие люди. Они много говорили, преимущественно о погоде и о том кто с кем спал и у кого длина члена коррелирует с размером рук и ног. Ещё все пили чай. Но потом, ближе к полуночи, практически все разошлись. Остались только мы двое.

Некоторое время мы внимательно смотрели в глаза друг другу. В воздухе витала безмолвная нерешительность.

И вдруг девушка спросила:

– Хочешь поиграть?

– Хочу.

Я как обычно порадовался, что все разрешилось само собой, то есть без моих минимальных усилий.

– Пошли ко мне.

– Пошли.

Яна взяла меня за руку и повела. Мы прошли по коридору до лестницы, поднялись наверх, там налево по коридору до третьей двери.

– Здесь, – сказала Яна и приложила электронный ключ к замку.

Замок пропищал, женская рука провернула рычаг и дверь распахнулась.

– Проходи.

Я вошёл в номер, держа внутри себя большую волнительную радость.

Зажегся свет.

– Располагайся.

Яна указала на кровать.

– Что так сразу?

– Нет.

Девушка нервно улыбнулась.

– Мы не будем торопиться, – пообещала она.

– Окей.

Я сделал несколько шагов и так добрался до кровати. Яна в этот короткий промежуток времени бросила ключ куда пришлось и захлопнула дверь.

– Чего же ты ждёшь?

Женские ладошки легли на мои плечи.

– Ты любишь массаж?

Я нервно сглотнул.

– Да.

Ладошки лёгким касанием заскользили вниз, пока не остановились на ягодицах. Там пальчики сжали самую мякоть.

– Нравится?

Я утвердительно простонал. А через мгновение предпринял попытку развернуться. Я захотел вовлечь свои губы в долгий страстный поцелуй...

Но меня остановили.

– Нет, – сказал притягательный женский рот.

– Нет?

Я был в недоумении, да и член стоял по-молодецки.

– Ты обещал поиграть со мной.

«Но я думал...».

Мне хотелось сказать что-то в этом роде, но я вовремя осекся.

– Точно, – заявил я, отправляясь в тактическое отступление, – Игра!

Следующим моим действием была попытка развалиться на кровать. Но и тут меня загнали в рамки.

– Двигайся в угол, – сказала Яна.

А я снова не спросил:

«Зачем?»

Тем временем девушка подошла к прикроватной тумбочке и из нижнего ящика достала некий предмет. Секундой позже она бросила его мне в руки.

Я поймал и удивился. Это были обычные игральные карты. Колода на тридцать шесть.

– Будем играть на раздевание? – спросил я.

– Нет.

– Тогда что мы будем делать?

Даже такой как я имел предел терпения. И в тот момент мне уже приелась вся эта женская загадочность. Страстно хотелось минета и сунуть руки в трусы. Загадочность хороша как приправа, но не более.

– Ты обещал.

Яна смотрела на меня как-то очень серьезно. Именно так на меня смотрела мать, когда я не делал уроки на неделю вперёд или не убирался в своей комнате по тайной сакрально-закодированной методике ее авторства. Обычно потом меня ждал ремень. А я не был сегодня настроен на садо-мазо.

– Ты обещал, – снова как заведённая сказала Яна.

Пришлось кивнуть головой и ответить:

– Обещал – значит сделаю.

Кажется, после этих моих слов девушка наконец-то успокоилась и села на противоположном от меня углу кровати.

– Дай мне карты, пожалуйста, – попросила она.

Я выполнил ее просьбу, причём не кинул, а вежливо вложил в руки.

– Спасибо.

Вытащив колоду из картонной упаковки, женские руки начали ее тасовать. Продолжалось это долго. Минут десять или около того. Все это время Яна не смотрела на колоду. Девушка смотрела мне в глаза.

– Чего ты хочешь? – спросила она и остановилась.

– Да много чего..., – отшучиваясь, ответил я.

– Чего ты хочешь прямо сейчас?

Я стал мяться, отводить глаза, покусывать нижнюю губу, разводить руками...

Ещё были слова типа:

– Ну, я не знаю...

– Знаешь, – холодно отрезала девушка.

Я съёжился как пойманный с поличным преступник.

– Хочешь, чтобы я тебе отсосала прямо на этой кровати, хочешь кончить мне в рот мощной струёй и чтобы я с радостной мордашкой сглотнула твою сперму. Я ничего не перепутала?

– А...

Теперь у меня точно не было слов для описания собственного состояния. Ещё никто в жизни не разговаривал со мной так...

– Что вылупился? Слишком прямо?

– Я... я...

– Головка от сломанного патефона.

Девушка не смотрела на меня, она смотрела в меня. Выжигала меня своим слишком откровенным и чересчур вызывающим взглядом. А я смотрел на неё как баран на новые ворота. И молчал.

– Так ты будешь со мной играть?

У меня были уже серьезные сомнения. Но я почему-то ляпнул:

– Да.

– Тогда говори!

Мои глаза бегали как испуганные зайцы.

– Что? – практически безвольно произнёс я.

– Правду, естественно. Что же ещё?

Девушка недовольно хмыкнула. И возможно это стало пусковым механизмом, потому что в следующее мгновение я неожиданно собрался и выдал:

– Ты мне нравишься.

На женском лице появилась легкая предтеча улыбки.

– Очень мило, – сказала она.

И сразу после этого кончики ее пальцев потянулись ко мне. Девушка коснулась обеими руками моего колена, сделав своеобразный мостик, потянулась с лёгким постаныванием, а потом медленно выпрямилась.

Теперь она по-настоящему улыбалась.

– Думаю, ты не безнадёжен.

Затем девушка продолжила тасовать колоду. На этот раз недолго. Не более пяти движений, а потом она последовательно выложила три карты рубашками вниз.

– Не быть тебе Германом.

Я понял смысл шутки. Получилось очень уместно. В пространстве между нами лежали король бубей, девятка бубей и восьмерка червей.

– И что это значит? – спросил я.

Моих личных способностей хватало лишь на игру в подкидного дурака. А это... Я воспринял происходящее как некое гадание. На это среди прочего меня подтолкнула мистическая женская искорка, заигравшая на лице Яны. Казалось, таинственная женская генетика внезапно проснулась в этой женщине.

Она встала с кровати, приглушила свет, а потом вернулась к нашему загадочному игрищу. Ее рука выложила следующую карту.

– Девятка червей.

Тотчас карты пришли в движение. Восьмерка червей легла поверх девятки бубей. Между нами снова лежали три карты: король бубей, восьмерка червей и девятка червей.

– Продолжаем, – сказала Яна и выложила следующую карту.

На этот раз выпала дама червей. Карты вновь пришли в движение, после чего остались король бубей, девятка червей и дама червей.

– Записывай, – приказала Яна.

В ее голосе чувствовался бурный азарт от происходящего. Однако я не разделял ее чувств. Я тупо смотрел на процесс и мозги все больше и больше завязывались в узел.

«Ты обещал!»

Да. В голове то и дело звучало напоминание о данном обещании. Я огляделся в поисках ручки. Такого добра не находилось в поле зрения.

– Тогда запоминай, – сказала Яна, принимая мою растерянность как данность.

Я приготовился.

– Король бубей, восьмерка червей, девятка червей, дама червей...

Закончив с перечислением, девушка нахмурила переносицу. Мгновением позже она выдала размышление вслух:

– Думаю, этого хватит для начала.

– Какого начала? – спросил я.

На этот вопрос Яна не ответила. Оставив колоду на кровати, она взяла меня за руку и сообщила:

– Нам нужно ехать.

Это было резче и неожиданней, чем все предыдущее.

– Куда? – спросил я и на этот раз упёрся.

– Тебе выпал бубновый король.

– И что?

– Теперь ты должен отвезти меня в дорогой ресторан.

«Опаньки!»

Я за всю жизнь не покупал женщинам ничего дороже коробки конфет и бутылки шампанского. А тут такое бессовестное заявление...

– Может сразу в номера? – взмолился я.

– Нет. Игра уже началась.

Именно в этот момент я всецело на себе ощутил, насколько тяжела участь мужчины. Я должен был осуществлять чужие мечты, но суперприз мне в конце никто не гарантировал.

«Возможно...».

Этим «возможно» я и жил. Вчера, сегодня, ... позавчера.

– Можно я хотя бы ботинки одену?

На моих ногах в тот момент были тапки.

– Две минуты, – разрешила Яна.

На деле, конечно, получилось дольше. Помимо ботинок я также надел красивую рубашку. А ещё с печалью на лице полистал купюры в бумажнике.

«Прощайте, родные», – подумал я, – «Кровно заработанные».

В конце концов, мы встретились с Яной в коридоре. Она тоже приоделась. Теперь на ней были не домашние шаровары, а очень интересное платье кораллового цвета и розовые туфельки на высоком каблуке.

– Нас уже ждёт такси.

– Отлично.

А в голове тем временем уже включился счётчик.

– Далеко нам ехать?

– До Бауманской.

На нормальном языке это означало три часа езды из Подмосковья. На языке денег – много.

– А поближе ничего не нашлось?

Девушка грациозно нашла себе опору в моем плече.

– Будь кавалером, – сказала она.

Пришлось быть.

В коридорах загородного дома для гостей было тихо и пусто. Мы спустились по лестнице никем не встреченные и не замеченные. Также конспиративно мы оказались во дворе.

– Здравствуйте, – сказал я таксисту.

Он как раз докуривал сигарету, стоя у куста акации, лишенного листьев.

– На Бауманскую?

– Да.

– Садитесь.

Бычок полетел в урну. А я стал помогать девушке забираться на заднее сиденье.

– Как-то поздновато для прогулок, – заметил таксист, когда все оказались внутри автомобиля.

– Сюрприз, – ответил я.

И в принципе, так оно и было.

Загудел мотор, мы медленно отъехали от гостиницы. Игра начала набирать обороты.

– Хорошо смотрите, – сказал таксист, когда мы выехали на трассу.

– В смысле?

– Вы вдвоём отличная пара.

– Спасибо.

Мужчине явно недоставало общения. И лично меня, его рассуждения начали раздражать с первой секунды. Нет. Причина была не в нем. Просто моей голове не давала покоя непрерывная аккредитация текущего предприятия.

– А есть возможность включить радио?

– Какое?

– Любое.

Заиграла музыка. Девушка, сидевшая рядом, склонила голову мне на плечо. От всего этого я немного успокоился. Потом меня слегка потянуло в сон...

– Приехали.

Я дернулся.

– Мы на месте, милый.

Яна смотрела на меня. Ее глаза блестели.

– Расплатись, пожалуйста, – сказала она, толкнула дверь и выбралась из машины.

– Спасибо, – сказал я, протягивая таксисту купюры.

– Вам спасибо.

Чуть позже такси отъехало, а мы остались. Прохладный воздух поздней осени привносил свежесть и бодрость в мое сознание.

– Это? – спросил я.

Перед нами сверкала зеленым неоновым большая узорная вывеска «САЛАМАНДРА».

– Да, – сказала Яна.

– Тогда пошли.

На входе нас услужливо встретил сам хозяин заведения.

– Здравия. Меня зовут Дмитрий. Я здесь главный. Очень рад, что вы сегодня выбрали наше детище.

– Добрый вечер.

– Очень приятно.

Я смотрел на высокие потолки с пышными люстрами, на шитые золотом бархатные ска-
терти, на расписные графины с крюшоном и понимал, откуда растут ноги у пятизначного счёта
бизнес-ланча в этом мажорском заведении.

– Мне тут нравится, – повизгивала Яна, едва не выпрыгивая из каблучков.

«Ещё бы», – думал я.

Тем временем рядом с хозяином заведения, одетым в от души накрахмаленную белую
сорочку, появилась девушка в зелено-белом сарафане.

– А это Галя.

Девушка улыбнулась. Сначала она забрала плащ моей спутницы, потом мою куртку и
удалилась.

– Где бы вы хотели разместиться?

– Там.

В таких вопросах я принимал решение быстро. Мне нравились места у окна, ещё лучше,
если был диван.

– Хороший выбор.

Я пропустил даму вперёд. Мы сели. Она с одного края дивана. Я с другого. Не слишком
далеко друг от друга, но и не слишком близко.

– Что желаете заказать?

Я задумался.

Мне нечасто, а точнее никогда не приходилось бывать в подобных местах. Я и в обычных
ресторанах был редким гостем. Чаше заходил в «Макдональдс» или в ларёк с шаурмой. Так что
выбрать нечто путное из пухлой папки с закладками могло стать для меня сверхчеловеческим
поступком.

– А что посоветуете?

Я решил пойти по легкому пути. И правильно. У Дмитрия оказался готовый ответ:

– Мясо.

Было уже за полночь. Наедаться не имело смысла. К тому же меня интересовал лишь
один кусок мяса. Его звали Яна.

Я спросил у неё:

– Ты вегетарианка?

– Я не ем мясо. Но от того, что здесь предлагают, не откажусь.

– Отлично.

На моем лице появилась мнимая радость. А на самом деле чувства были другие, ведь
мне не удалось логической переадресацией существенно снизить расходы. Скорее они даже
возросли.

И дальше уже все решалось без моего непосредственного участия.

– Есть предпочтения?

– Баранина.

– Сколько?

– Грамм пятьсот-шестьсот в порции.

– Гарнир?

– Жаренный картофель-фри с соусом карри и сырным соусом.

– Напиток?

– Чай. Какой-нибудь поинтересней.

– Большой чайник?

– Да.

Закончив записывать в блокнот под диктовку вслед за Яной, хозяин заведения выпря-
мился и сказал:

– У нас есть очень вкусный чесночный лаваш. Свежий, румяный...

– Тогда плюс хлеб. Две порции.

– Подавать в каком порядке?

– По мере готовности.

Дмитрий ушёл. Мы остались вдвоём.

– Как тебе здесь? – спросила девушка.

Я не стал отвечать. Я задал вопрос:

– Почему ты выбрала это место?

В глазах девушки появилась хитринка.

– Всегда хотела здесь побывать.

– Тогда почему не пришло раньше? Без меня.

– Было страшно.

– Страшно?

– Напротив всегда останавливались дорогие автомобили. А я такая маленькая...

– Бедная и несчастная...

– Как-то так.

Грациозный юноша принёс нам чай и вежливо удалился.

– Нужно подождать, – сказал я.

– Подождём, – сказала Яна.

Я немного подвинулся к ней и откинулся на спинку дивана. При этом глаза мои пытались понять что им важнее: глубина декольте или темнота зрачков.

– Так что мы тут делаем?

Мой вопрос вроде как был к месту.

– Отдыхаем. Разве нет?

Девушка игралась со мной. Я с ней. И как бы всех все устраивало.

– А карты?

– Что с ними?

– Что они значат?

Женская рука легонько пошевелилась. Она намекала, что уже пора.

«Ладно», – с определенной досадой подумал я.

И все же согласился с присуждённой ролью. Мое тело встало и с предельной аккуратностью принялось вершить розлив чайного напитка. Оно очень не хотело замызгать прекрасные бархатные скатерти. Они же были почти творением искусства.

– Пожалуйста, – сказал я, когда закончил.

– Спасибо, – поблагодарила Яна.

И я вернулся на место.

Тут между делом принесли картофель и хлеб.

– О...

От хлеба и от картошки исходил невероятно приятный аромат.

– Нельзя так делать, но...

Яна отломил кусочек хлеба, а потом с неистовством впилась в него зубами. Немного прожевав, девушка с придыханием сообщила:

– Боже... он такой вкусный.

Не дожидаясь реакции с моей стороны, она также стремительно набросилась на картофель. Ее милая нежная ручка окунала тонко нарезанные кусочки то в один, то в другой соус, далее отправляла их в милый розовый ротик. Потом было сладострастное причмокивание.

– Круто.

И как завершение первого сеанса – глоток чая.

Я смотрел на все это и удивлялся:

«Как можно иметь столько впечатлений и чувств от банальной ерунды?»

Для меня все это не лезло ни в какие ворота.

– Мясо!

Хозяин заведения вновь удостоил нас двоих своим вниманием. Он собственноручно принёс тарелки с шашлыком.

– Угощайтесь, пожалуйста.

– Спасибо.

Первая тарелка легла на стол передо мной. Вторая приземлилась рядом с Яной. Девушка радостно вдохнула аромат прожаренной на углях плоти. Казалось, она вот-вот захлебнётся слюной.

– Приятного аппетита.

– Спасибо.

Девушка ела. А я лишь проявлял церемониальные финты. Я словно заставлял себя играть роль в театре одного актёра. Мне не нужны были скатерти, не нужен был сытный ужин, да и красивая девушка, сидящая под самым боком, в действительности была лишь ещё одним аксессуаром очень дорогих и затратных декораций. Я мог бы обойтись и без них. Возможно, я даже был бы счастливее. Но так уж сложилось...

– Кушай, – бросила Яна, пытаясь завлечь меня своей детской наивностью.

Полностью повинуюсь, я ткнул вилкой в один из кусков мяса.

– Да-да... Сейчас, – пообещал я.

Девушка тем временем работала столовыми приборами с особым проворством.

– Возьми нож, дурень.

Она поддела меня, но по-доброму. Ей хотелось, чтобы и я участвовал в процессе.

– Не нравится? – спросила Яна.

– Нравится, – ответил я.

– Как-то вяло ты ешь.

– Не голоден.

– Неправда.

– С чего ты взяла?

Невероятно. Только что я был кислым и неживым, но стоило обвинить меня во лжи, так я тут же встал в позу.

Пауза.

Я ждал атаки. Но случилось нечто неожиданное. Девушка оставила вилку, оставила нож, под села ко мне почти вплотную и, облизав языком губы, спросила:

– Поцелуешь меня?

Я не шелохнулся и не сказал ни слова.

Я смотрел на ее прекрасное лицо, на ее чувственные губы, утопал в ее зелёных глазах. Сознание говорило мне, что это хороший вариант. Но для чего? Что будет потом после этого поцелуя? Что ещё я должен буду сделать?

– Ну же... Это несложно.

Я чувствовал дыхание красивой девушки. Оно было таким близким и таким живым. Только вот я не был живым. И лишь сейчас добрался до этой правды.

– Прости, – сказал я.

А потом я встал и начал искать кассу.

«Нужно расплатиться. Это важно», – нервно отмахиваясь от нежелательных откровений о самом себе, я ровным широким шагом проследовал туда, где меня могли понять.

– Можно мне расплатиться? – спросил я у девушки в красном платье, которая рассылала официантов то в один, то в другой угол ресторана.

– Да, конечно.

Я облегченно вздохнул. Мой мир снова был до безобразия понятен: получил – отдал – пошёл дальше. Все лишнее в нем не имело смысла.

– Уже уходите?

Вездесущий Дмитрий и тут меня нашёл.

– Да...

– Простите нас. Дела!

Вынырнувшая из ниоткуда, Яна прижалась к моему плечу. Она и не радовалась, и не извинялась. Она просто была собой.

– Отдай все, – сказала она, не желая, чтобы я решал сколько купюр отдавать: три или четыре.

Девушка с легкостью волшебной феи вынула купюры из моих рук и перенесла их в новые руки.

– Сдачи не надо. До свиданья!

Не позволяя мне одуматься и вставить слово, девушка развернула меня к выходу.

– Заходите ещё. Будем очень рады.

– Обязательно, – пообещала Яна, выталкивая меня за дверь.

Так мы снова оказались на улице.

Там было темно, пусто и довольно прохладно.

– И что теперь? – спросил я.

Яна прижалась ко мне всем телом. Она смотрела в меня снизу вверх.

– Ты должен измениться.

Я нервно откашлялся.

Затем я попытался отстраниться. Девушка не позволила. И она все смотрела, смотрела, смотрела...

– Чего ты хочешь от меня?

Слезы почему-то брызнули из моих глаз и только тогда она меня отпустила.

Я сделал шаг назад, попытался найти просвет в ворохе мыслей. Не смог. И тогда в приступе паники воскликнул:

– Зачем все это?

– А ты не понимаешь?

Девушка опять пошла на сближение. Тыльная сторона ее ладони коснулась моей щеки.

– Ты ведь не такой...

– Какой такой?

Я не понимал. И слезы продолжали течь из моих глаз.

– Просто ты не знаешь, как это быть другим.

Затем девушка развернулась ко мне спиной.

– Пошли, – сказала она.

– Куда?

– Я живу тут за углом.

Мне была поставлена четкая осознаваемая цель. Мир нормализовался.

– Хорошо, – сказал я.

А ещё я взял Яну за руку.

«Зачем?»

Раньше я никогда так не делал. А тут захотелось.

– У тебя холодные руки, – сказала Яна.

– А у тебя тёплые.

Мы шли минут десять темными переулками. Все вокруг было мне незнакомо. Темные окна, горящие окна, припаркованные автомобили... Мир был банально привычен в этой после-полуночной идиллии.

– Это хорошо.

Внезапное заявление после долгого молчания заставило меня остановиться и посмотреть в лицо своей спутнице.

– Что именно?

Этажом выше некий полуночник смотрел телевизор. И голубоватый свет падал на нас двоих.

– Все это. Ты и я. Мир вокруг. Осень. Ночь. Ничто не происходит просто так. Во всем есть определенный смысл.

– Это такая философия?

Мне нужно было рассмеяться, чтобы поверить в собственные слова. Однако мягкие влажные губы Яны не позволили мне этого сделать.

Через мгновение она прошептала:

– Я же говорила... просто.

В этот момент я чувствовал себя как бы ошпаренным счастьем. Оно подкралось, коснулось, перевернуло с ног на голову, а потом зашагало прочь.

– Куда ты? – окликнул я Яну.

Она завертелась на месте, вытянув руки высоко вверх. Она радовалась и кричала:

– Мы добрались до следующей карты!

Возможно, кто-то проснулся от такого веселья. Но никто не пожаловался.

– Звони! – продолжала кричать Яна.

Теперь она прыгала на месте. И я не понимал, как ей это удаётся. Высокие каблуки – та ещё засада.

– Звони!

– Куда?

– В скорую помощь!

Я разинул рот.

– Зачем?

– Мужчине нужна помощь!

– Какому?

Яна перестала прыгать, развернулась на сорок пять градусов и ткнула пальцем в темный угол здания.

– Тому!

Я напряг зрение и только тогда увидел очертания лежащего на асфальте тела.

«Бл**!»

Внутри все сжалось. Список финансовых потерь тотчас был отправлен с архив. Ему на смену пришёл список ненужных проблем.

«Бл**!»

Пройти мимо и не заметить – для меня это было в порядке вещей. На худой конец всегда можно было вспомнить Ницше и его слова: «Толкни падающего!»

Но сегодня я был не один. К тому же уже выставил себя в неприглядном свете перед девушкой: был скупердям, был нытиком, был импотентом... стать ещё каким-либо «нехорошим» человеком мне очень не хотелось.

– Звони уже, – потребовала Яна, разводя руками от нетерпения.

– Хорошо.

С чувством громадного неудовольствия я достал телефон из кармана и нажал на нужный номер.

– Что у вас произошло? – спросили меня с другого конца.

«Мне бы и самому хотелось знать», – подумал я.

Но произнёс те невнятные слова, что первыми пришли на ум:

– Тут мужчина... ему плохо...

– Вы можете описать его состояние?

– Ну, он лежит... всё.

Далее у меня спросили адрес. С ответом мне помогла Яна. И на этом беседа закончилась.

– Можно идти? – спросил я с надеждой в голосе.

– Ты че?

Девушка подошла ко мне и обняла за шею. Чуть-чуть повисла на мне.

– Нужно дожидаться.

– Зачем?

– Так правильно.

Я не понимал этой ее позиции, но был вынужден смириться и стоять в темноте и на холоде.

Через десять минут во двор заехала скорая помощь. Из неё вышли двое рослых мужчин в сине-белых комбинезонах.

– Вы вызывали?

– Да.

– Где?

Яна снова предоставила во всеобщее услужение свой пальчик.

– Там.

В свете фар лежащего на асфальте человека было видно значительно лучше. Плюс стали видны потеки жидкости, идущие от него к проезжей части.

– Я же говорила... наш клиент, – сказала Яна, покачиваясь из стороны в сторону.

Я не понимал ее приподнятого настроения. Санитарам же было плевать. Они были заняты своим делом.

– Эй!..

Один из них попытался раскочегарить неподвижно лежащее тело.

– Ты живой?! – спрашивал он, дергая тело за плечо.

После нескольких попыток тело внезапно ожило и зашевелилось. Голова приподнялась и возмущённый гнусавый голос выдал:

– Че?

– Как твоё имя?

Новый вопрос заставил тело приподняться на локоть. С безразличием в глазах оно несколько мгновений тупо смотрело во тьму, пока не дернулось и не упало обратно на асфальт.

– Я – Бог! – раздался четкий и громкий возглас, – Я – Бог!..

#четвертый

Мне было очень хорошо, пока не зазвонил телефон.

– Алло!

Одновременно пытаться проснуться и приложить телефон к уху – нелегкая задача. Но чего не сделаешь, когда приспичит?

– Алло! – недовольно повторил я, когда с первого раза так и не получил ответ.

– Это Капитан.

– Какой еще Капитан?

– Мы встречались на тренинге. Я – друг Яны.

От упоминания милого сердцу женского имени я наконец-то проснулся.

– Чего тебе?

– Я буду ждать тебя через два часа по адресу улица Достоевского дом 5, 2 подъезд. Код 50*4541. 8 этаж и наверх в мансарду. Там расположена «Мастерская».

«Что за даун?» – подумал я и повесил трубку.

Не собирался я ни с кем встречаться. В моих планах было скачать новый сериал, купить шаурму и упасть на диван. Именно это казалось мне вполне здоровой идеей, ведущей к счастью и удовлетворению.

К тому же «улица Достоевского» – это так далеко, что даже призрачная надежда залезть Яне в трусики меня не прельщала.

«Скачаю ещё и порно», – решил я и отбросил телефон в сторону.

Далее я нащупал очки, одел их и попытался увидеть утро добрым.

Не получилось.

– Не понял, – прошептал я.

Я снял очки, старательно протер их пододеяльником, снова одел и снова напряг зрение.

Ничего не изменилось.

– Что за херня?

В данном случае я больше испугался, чем разозлился.

Почему?

Да я каким-то очумелым образом оказался в чужой квартире.

Я напряг память.

Нервные клетки категорично отчитались: я точно приходил вчера домой, пил чай, умывался, чистил зубы, ложился спать...

Что потом?

Я проснулся.

Но проснулся я в совсем другом месте.

Правая рука до боли ущипнула левую. Нет, я не спал. Тогда что это?

Действительно, стало страшно. Сразу вспомнились юношеские шуточки из общаги, когда спящего вместе с кроватью выносили в коридор. Но тут было что-то другое...

«Бумажник!»

Естественно первым делом возник вопрос сохранности финансов. Я резво подскочил с дивана и начал метаться по квартире.

Недолго.

Я нашёл его аккуратно лежащим на комод в прихожей. Руки нервно полезли внутрь...

«Слава богу!»

Наличка и зарплатная карта были на своих местах. А значит, меня точно не опоила залетная стриптизерша-клофелинщица. Конечно, я понятия не имел где бы смог наткнуться на

такое приключение, однако передачи из телевизора сделали свою работу по зомбированию на твёрдое «отлично».

Решив вопрос с бумажником, я метнулся к прочим личным вещам. Все они, как быстро выяснилось, имелись в наличии и даже лежали в практически идентичных местах. Лишь квартира была другой: другая планировка, другая мебель, другая бытовая техника, совершенно другой фэн-шуй...

На последнем аккорде этого сравнительного анализа я выглянул в окно и тогда снова не удержался от разговора с самим собой:

– Где я?

Вид за окном тоже был совершенно посторонним.

– Где моя химическая свалка? Где МКАД? Где ТЭЦ?

Вместо привычного пейзажа я смотрел на аккуратные улочки, небольшой парк, совмещённый с детской игровой площадкой, пруд с утками и даже каток.

Ещё было довольно тепло. Начало ноября. Но каток уже работал, и веселые дети скользили по нему взад и вперёд.

– Мистика, – произнёс я.

Однако такое утверждение не добавляло понимания как мне жить дальше.

– Ды-ды-ды-дын!

Ещё и в дверь кто-то настойчиво ломился.

Я осторожно и еле слышно подкрался к входной двери, заглянул в глазок. Через него я увидел измученного мужика в коричневой шапке-ушанке, одетой набекрень. В обеих руках он держал несколько больших бумажных пакетов с ручками.

– Откройте, пожалуйста, – молил этот человек, хотя я его не узнавал.

«Людей что тоже заменили?» – задумался я.

Ответ мог мне не понравиться, так что я отступил от двери.

«Ну его...», – это было хорошим решением, пока не раздался очередной звонок в дверь.

– Ды-ды-ды-дын!

А потом ещё, ещё...

Жить и наслаждаться жизнью в таких условиях стало невозможно.

Я нашёл штаны, натянул их на себя, потом футболку. Носки искать не стал. Решил, что и так сойдёт.

– Что вам? – спросил я, открыв дверь незваному гостю.

Тот вместо того, чтобы сразу начать объясняться, словно обмер или заледенел.

– Ну? – проявилось моё нетерпение.

И тут началось стенание, близкое к коленопреклонению.

– О, простите... Я вас разбудил?.. Простите меня, дурня нерадивого...

– Короче...

Я был не заинтересован.

– Кто вы и что вам нужно?

– А...

Бумажные пакеты рухнули из рук незнакомца. Но это осталось без внимания. Он с неподдельным боголепием снял с себя шапку и приложил к груди так, словно собирался молиться.

– Я – Захар...

– И что это должно для меня значить?

– Ну как же...

От чрезмерного волнения мужчины довольно сильно запинался, да и голова у него подергивалась как у безнадёжного невротика.

– Я звонил вам позавчера.

Мои плечи продемонстрировали отсутствие понимания.

– По поводу «тантра».

– А...

Я легонько хлопнул себя по лбу.

– Вы должны были перезвонить, разве не так?

– Простите...

Скрюченные пальцы изо всех сил впились в коричневую шапку-ушанку, а вид этого человека стал настолько жалостливым, что захотелось вмиг расплакаться.

– Боялся, что передумаете и откажитесь.

По правде говоря, я совсем не помнил, что прежде наобещал. Слишком уж часто мне звонят на телефон всякого рода чудотворцы и предлагают разнообразные товары и услуги. Отшить их бывает очень сложно. Они все говорят, говорят и говорят. И так убедительно, что за душу берет.

Тем временем исповедь продолжалась:

– Вот я и решил приехать к вам со всем демонстрационным материалом.

– Понятно.

Впрочем, не совсем.

– А как вы узнали, где я живу?

Для меня была странной такая находчивость, учитывая, что я и сам не предполагал где сегодня проснусь.

– Отследил по GPS.

Я нахмурился.

– Простите, если перестарался...

«А глаза такие честные-честные!»

Ругаться этим утром у меня не было ни сил, ни желания. Других проблем и вопросов было выше крыши. Пришлось простить юродивого.

– Проехали, – пообещал я, а затем поинтересовался, – Что у вас там?

– Тантра. Все про тантру. Одна сплошная тантра и все для неё. Вы не пожалеете!

Поток радостных слов немного оживил человека с пакетами. Он стал выглядеть менее жалким.

– Показывайте.

Тантра – это свежее веяние. Очень модное иностранное словечко можно встретить чуть ли не в каждом третьем посту в соцсетях. А все интеллигенты только о ней и говорят. Тантрический любовь, тантрический секс, тантрический массаж, тантрическое песнопение... Чего только люди не придумают. Но что это на самом деле означает никто так и не смог мне объяснить, сколько я не спрашивал.

А тут случился телефонный прозвон. И нашла коса на камень.

– Буклеты, материалы, пробники – все эксклюзивно для вас. А уж если захотите по полной вкусить «тантра», то звоните. Буду несказанно рад.

На этой торжественной ноте странный гость откланялся и дал деру кубарем по лестнице вниз. Я же остался с грудой пакетов под дверью.

– Ей!..

Но мужика уже и след простыл. А груда пакетов осталась под дверью.

«Да уж», – подумал я, но решил добро не бросать, занёс его в квартиру, небрежно сложил в углу, а потом переключился.

Яна.

Вчерашний вечер закончился отнюдь не так, как мне хотелось. И теперь душа требовала реванша.

Вернувшись в комнату, я обратился к телефону. Пошёл дозвон.

– Алло! Яна?..

– Абонент отключен или находится вне действия сети...

«Знаю, знаю... Попробуйте перезвонить в следующей жизни», – знакомая песня огорчила меня ещё сильнее.

Я бросил телефон на диван и сунул руки в карманы. Нужно было хорошо подумать.

«Как?»

Тут я ощутил в правом кармане нечто бумажное.

«Что это?»

Рука вынула из кармана потрепанную записку:

«Чтобы перейти на новый уровень, ты должен измениться. Мой друг тебе поможет. Будь там, где он скажет; делай то, что он скажет. В противном случае забудь меня. Яна».

Категорично.

Я сунул записку обратно в карман.

– Вот бл*!

Я злился на себя и на Вселенную.

– Почему все так сложно?

Вселенная не отвечала.

Я пошёл в ванную, сунул лицо под холодную воду. Тогда немного полегчало. Появилось желание почистить зубы, съесть сдобную печенку и запить её молоком прямо из горла.

Так спустя пятнадцать минут вернулось желание жить. Я посмотрел на часы: как раз оставался час, чтобы добраться до места встречи.

«С Богом», – подумал я и запер за собой входную дверь.

Внизу на выходе из подъезда было весело. Детишки играли, носились по двору как угорелые. Мужчина и женщина прогуливались с низкорослой чернявой собачонкой. Бабушка в косынке сидела на скамейке и читала «Комсомольскую правду». То есть жизнь совершенно спокойно продолжалась и без тантры. Но я почему-то хотел большего...

Светило солнце, да так ярко, что хотелось зажмуриться. И облака на бесподобно голубом небе казались такими пушистыми, что хотелось упасть в них и раствориться.

Мимо проезжали машины, мимо проходили люди. И я ещё мог в тот момент остановиться, принять другое решение. Тогда это ещё было возможно. Тогда все было просто и предсказуемого.

Но я выбрал то, что выбрал. Дождался нужного сигнала светофора, перемахнул через перекрёсток, дошёл до метро, спустился вниз, проталкиваясь между двумя потопами людей.

Кто-то окрикнул меня:

– Эй!

Он что-то хотел мне сказать. Возможно что-то важное. Только вот я не обратил на него внимания. Я пошёл дальше. И в конце концов я оказался на улице Достоевского. Там я нашел нужный дом и нужный подъезд, ввёл нужный пароль и поднялся на восьмой этаж. Далее в мансарду.

Никогда раньше не бывал в мансардах. Но что-то всегда происходит в первый раз.

– Здравствуйте, – сказал я, осторожно толкая деревянную дверь.

– Привет!

Внутри были люди. Приглушенный свет был частью их мира. Играла ненавязчивая мелодия некой бессловесной песни.

«Такое я не слушаю», – я сразу же поставил свой первый штамп.

Затем я стал изучать людей. Двое из них сидели на ковриках неподалёку от входа и о чем-то увлечённо беседовали. Обнаружив мое внимание, они протянули мне руки:

– Маша.

– Валера.

– Я к Капитану, – холодно сообщил я.

Они переглянулись.

– Он будет позже. Вы можете пока раздеться и осмотреться.

Мне указали на стойку для гардеробных вешалок. Я молча кивнул и начал раздеваться. Когда куртка оказалась на деревянных плечиках, мне дали совет:

– Можно босиком. У нас тут чисто.

Я снял ботинки, но носки оставил. Затем мой взгляд вновь устремился в новый для меня мир.

Люди. Много людей.

Я стал продвигаться между группами по интересам. И вскоре меня привлекло к женщине средних лет, которая собрала вокруг себя большую аудиторию.

– Отлично, – сказала она в тот самый момент, когда я протиснулся вперёд.

Естественно, мое прибытие к шапочному разбору ничего мне не объяснило. Я вертел головой как страус.

– Проходите. Не стесняйтесь.

Женщина мягко поманила к себе рукой. Доброжелательность, исходившая от ее лица, подтолкнула. И тотчас в моей руке оказался странный стеклянный предмет. Нечто подобное мне приходилось встречать на уроке химии в школе, когда случалась лабораторная работа. Внутри него находилась красноватая жидкость.

– Что это?

Никуда не исчезнувшие мягкость и доброжелательность сообщили:

– Эльфийская кровь.

Понятное дело, я предположил, что меня разыгрывают.

– А если серьезно?

– Серьезно.

Я внимательно посмотрел на стеклянное чудо-юдо, потом на десяток взрослых и цивилизованных людей, окружавших меня, и предположил существование некой метафоры.

– И что должно случиться? – спросил я, условно соглашаясь с суждением большинства.

– Что-то должно..., – сказал некто.

Другие стали медленно расходиться.

«Что-то не так», – сразу сообразил я.

– Что не так? – спрашивал я.

А люди все отстранялись и отстранялись. Они уходили, вливались в другие ячейки, скрывались на кухне за шумом закипающего чайника и хрустом вафель. Я их не понимал. И острое ощущение отверженности и ненужности неотвратимо напоздало на меня тяжелым одеялом. Я думал, это конец!

Мне было горько, обидно...

Внезапно мягкая и доброжелательная рука забрала у меня странный стеклянный предмет.

– Ни что не должно происходить. Оно просто происходит, – сказала женщина.

И в этот момент нечто действительно произошло. Красноватая жидкость забурлила внутри сосуда и задвигалась по фигурным перемычкам как вверх, так и вниз.

Я не понял.

– Как?

– Эльфийская кровь.

– Это бред.

– Это правда.

Женщина одарила меня мягкой и доброжелательной улыбкой.

– И невозможное возможно.

На этой торжественной ноте она вновь вручила мне странный сосуд, добавив:

– Это вам. Мой подарок.

Сразу после этого она тоже удалилась. Я же остался на месте, стоял как дурак с притянутой за уши верой в эльфийскую кровь.

«Дальше-то что?» – спросил я себя.

Об этом у меня не было внутреннего знания.

Некоторое время я подходил к разным людям и спрашивал:

– Когда появится Капитан?

Кто-то пожимал плечами, другие утверждали, что не в курсе. Один вообще оторопел:

– А кто это?

Ну как я ему мог объяснить?

В определенный момент времени я сдался. Слишком уж утомительной была эта затея. Впрочем, убраться из не до конца понятой мной мансарды я все же не смог. Самолюбие не позволило.

«Как так? Что подумают люди?» – говорило оно, – «Что я сдался или и того хуже... струсил? Ни шагу назад».

Самолюбию было легко говорить. Я же как неприкаянный слонялся между чужими незнакомыми людьми, а потом и вовсе отправился на кухню и там спрятался от своей личной неуверенности за чашкой горячего чая.

– А вы откуда? – спросила меня невысокая светловолосая девушка, подсевшая рядом.

На ней был одет красный передник и очень натуралистичная будёновка. Исходя из аутентичности ее гардероба, я предположил, что она приезжая. В Москве, конечно, хватает чудил, но не до такой степени.

– Местный, – ответил я.

– А...

Женский рот оставался открытым минуты две так это точно. Девушка не совсем разговаривала, она смотрела в потолок.

– Круто.

В связи с длительной паузой между частями фразы смысл произнесённого замылился.

– Что именно? – спросил я.

– Все!

Резко повысив громкость, девушка сбежала. Краем глаза я видел, как она с головой прячется под фиолетовым пледом.

«Печально».

Я-то надеялся на долговременный консенсус. Не вышло. Как результат, тут же возрос мой градус неуверенности в себе. И мне пришлось бороться с этим – наливать очередную чашку чая. Потом ещё и ещё.

Время тянулось как резина. Но самое главное, отсутствовало хоть какое-либо представление, куда все движется. Скопище народа полноценно безалаберно бездействовало, а такое времяпровождение было для меня сущим адом. Мне нужна была цель. Мне требовалось направление.

Что ж, и цель, и направление все-таки появились, но лишь по прошествии двух с половиной часов.

– Всем здравия! – раздался голос в дверях.

И сразу все оживились и сорвались с места.

– Капитан, здорово!

– Капитан, как делищи?

– Капитан...

«...улыбнитесь!»

Правда, мне было не до смеха. Устал я от этого одиозного ожидания. Прямо уже ничего не хотел. Однако же...

– Ну, здравствуй, – сказал Капитан, увидев меня, стоящего немного в стороне от остальных.

Не забывая про свою личную гвардию и принимая в свой адрес множество приветствий и поздравлений, он намеренно приблизился ко мне.

– Не думал, что ты придёшь, – такими были его слова.

– Почему же?

Я прищурился, ожидая подвоха. Его не последовало. Капитан протянул мне руку:

– Я привык не питать пустых надежд.

– И то верно.

Я принял его рукопожатие. А потом мы разошлись в разные стороны.

Через какое-то время всеобщий энтузиазм поутих. Люди стали рассаживаться в круг. Кто-то садился на коврики, кто-то прямо на пол. Некоторые оказались умнее и притащили деревянные табуреты с кухни. Я решил просто постоять и так послушать.

– Итак, как ваши дела? – спросил Капитан, открывая таким образом беседу.

Ему соответственно ответили:

– Отлично!

– Супер!

– Лучше не бывает!

– Все благодаря тебе...

Капитан слушал, смотрел по сторонам и довольно поглаживал бороду.

– Так что мы будем делать с вами сегодня? – спросил он, когда стало ясно, что самолюбования уже достаточно.

– Будем двигаться дальше?

Кто-то крикнул по-солдатски:

– Так точно!

В противовес ему из-под фиолетового пледа донёсся робкий и неуверенный голос:

– А нужно?

Это была девушка в буденовке.

Капитан ответил:

– Решать вам.

– А...

Девушка зависла в прежней манере, а потом медленно и тихо уткнулась под фиолетовый плед.

– Но прежде чем мы начнём, узнаем кто есть кто. Так сказать, познакомимся. Кто первый?

В пределах мансарды воцарилась гробовая тишина.

– Ладно. Начну я...

На полуслове Капитан остановился и жизнеутверждающе рассмеялся.

– А кто собственно со мной не знаком?

С крайнего угла слева вылезли три руки.

– О! Это наши новые друзья из Краснодара. Прошу любить и жаловать.

Мансарда взорвалась бурными продолжительными аплодисментами.

– Специально для друзей с крайнего угла слева сообщу немного информации о себе. Я журналист, певец, баянист, археолог, искатель приключений, шаман, психотерапевт... Ничего не забыл?

– Забыл! – послышалось из круга, – Ещё ты просто отличный парень! Лучший из всех!

Я стоял в стороне и слушал, как перечисляются все эти чужие регалии. И мне так сильно хотелось, чтобы все они были моими, что аж зубы скрипели. Я хотел быть таким же, как он. А по возможности ещё великолепнее.

– Кто следующий? Друзья из Краснодара... давайте уже по порядку.

Капитан лаконично передал право голоса и стал ждать реакции.

Было несколько неуверенных движений мимических морщин, вслед за чем худосочный лысоватый и в целом невзрачный человек начал своё презентующие повествование:

– Здравствуйте. Всем счастья и благ. Мы крайне очарованы выдавшейся возможностью приехать сегодня к вам и рассказать о том, чем мы на самом деле занимаемся. Наша работа очень важна. И вы обязаны о ней знать. Иначе мир окажется беззащитен...

Две спутницы данного оратора смотрели в это время отнюдь не в зал и не на Капитана как большинство присутствовавших. Они смотрели своему предводителю в рот. Они самозабвенно восхищались им. Их место было по обе руки от него. Это были две дамочки в очках и с накрученными бигудями волосами. Одна из них была толстой, другая – худой. Первая являлась блондинкой, вторая – рыжей. На самом деле ничего примечательного. Но зато все трое сидели, по-петушиному выпятив грудь. Словно это они были пупом земли, а не Бог, Вселенная или пускай даже Капитан.

– Мир в опасности, граждане!

Если первые слова самовлюбленного оратора были вялыми и неуверенными, то потом он разошёлся, расставил локти и начал даже плевать от переизбытка усердия.

– Рептилоиды не дремлют!

«Батюшки!»

Мне срочно нужно было сесть, но некуда. Пришлось всеми стараниями удерживать себя на ногах. А ведь дальше поток экспрессии лился рекой.

– Они везде. Они кругом. Они за каждым углом. Их усилиями захвачены фабрики, заводы, средства связи, транспорт...

«Почти как Ленин», – посмеивался я.

– Это ужасно. Это невыносимо. Их планы кощунственны. А значит наша великая цивилизация трещит по швам. Она гибнет. И поэтому мы обязаны нанести ответный удар. Кто с нами?!

Прежде тусклые и неинтересные глаза в этот самый миг уже пылали. Но не огнём жизни, а огнём безграничного безумия. Оратор ждал ажиотажа и беспрекословной поддержки. Он не видел других вариантов. Однако в зале воцарилась гробовая тишина. Никто не был готов его поддержать. И когда так ничего и не произошло, ему пришлось скупой выдавить из себя:

– Спасибо.

– Спасибо вам, наш дорогой Бонифатий, – подхватил Капитан, чем вновь оживил аудиторию, – Следующий.

Следующих было много, но таких как «повелитель рептилоидов» уже не встречалось. Большинство рассказывали стандартные истории о том, как они жили-были и не тужили, а потом упал кирпич с неба и размазал их по всей мостовой.

– Ужас! Кошмар!

Тем не менее, все эти люди благодарили свой метафорический кирпич за переход в новую жизнь, где им удалось познать и пережить новый, отличающийся от прежнего опыт.

– Это было круто.

– Спасибо судьбе.

– Я никогда этого не забуду.

Ещё несколько людей рассказало про своих детей, переживших страшные и мучительные болезни. Там тоже был хэппи-энд.

– Теперь мы счастливы, – утверждали они.

Все это, конечно, звучало красиво. Только вот по прошествии всех этих нескончаемых душеизлияний я так и не постиг смысл своего сакрального присутствия в границах странной мансарды среди незнакомых и странных людей.

– А ты?

В конце концов очередь дошла и до меня. Это было неизбежно.

– Кто ты?

Пристальный взгляд Капитана пытал меня своим присутствием.

– Зачем ты?

– Хороший вопрос...

Под давлением нежелательных поисков смысла мне сразу же захотелось отдаться инстинктам и спрятаться за столб, подпиравший крышу мансарды. Он выглядел мощным и прочным. Мог бы взять на себя заодно и мой груз бытия. Но он был лишь столбом. А я?

– Перерыв!

Внезапно отпустило.

Я расслабился, стряхнул с себя тени сомнений и вместе со всеми остальными отправился пить чай.

– Что будет дальше? – спросил я, наткнувшись на девушку в будёновке.

– О...

Через мгновение она вновь оказалась укрыта пледом. Я так понял, что любой вариант общения с ней заканчивался именно этим.

«Да уж...».

Был путь проще. Я мог целенаправленно подойти к Капитану, вырвать его из объятий восхищенных женщин и мужчин, а затем задать прямой и искренний вопрос. Думаю, он ответил бы. Лукавство не являлось чертой его характера. Однако мне было страшно задать этот прямой вопрос. И ещё страшнее – получить прямой ответ.

Вот я и ходил кругами, разворачивал конфетки в блестящих обертках, клал их в рот и запивал тем, что называл чаем.

Через час перерыв наконец закончился.

– Все по местам, – приказал Капитан.

Все сели.

– Мы сегодня, как обычно, много говорили, пили, кушали и смеялись. Это суть нашей новой жизни...

Капитан осекся. Его взгляд выхватил из прочих «повелителя рептилоидов».

– Простите, Бонифатий. У вас особая миссия.

Они поклонились друг другу по-тибетски. Поблагодарили друг друга. Выдохнули.

– Но нам также важно расширять наши стройные ряды.

В данном случае восторги не сыпались. Присутствующие напряжённо сосредоточились на словах главного человека.

«Видимо сейчас все и начнётся», – сообразил я.

И оказался прав.

– Сегодня к нам пришёл очередной кандидат. И это не может не радовать...

«Кто?» – раздался испуганный писк в моей голове.

Теперь уже точно было поздно бежать с корабля. Я почувствовал, как чья-то рука легла на мое правое плечо. Ещё одна оказалась на левом.

– Выходи, – прошептал один голос.

– Давай, – подбодрил второй.

«В кого бы кинуть?» – сосуд с эльфийской кровью по-прежнему был со мной.

Теперь он мог бы стать спасительным оружием. Но мягкие и доброжелательные руки перехватили мою инициативу:

– Это пока побудет у меня.

Они забрали у меня эльфийскую кровь, оставили безоружным. Кроме того, все те же руки подтолкнули меня вперёд.

– Шагай. Не бойся.

– Зачем? – спросил я, пытаясь оглянуться.

– Узнаешь. И не оглядывайся.

Пришлось смириться. И смотреть пришлось только вперёд. Там меня ждал Капитан с распростертыми объятиями. Он тоже шёл мне навстречу.

– Дружище...

Едва мы сблизились, он обнял меня с невероятным восторгом и радушием.

– Это только начало, – шептал он мне на ухо.

Глубина такого приятия была мне не знакома. Но мне понравилось. Тепло медленно растекалось по всему телу. Я чувствовал биение его сердца. Он чувствовал мое. Это была самая настоящая гармония. И хотелось, чтобы это продолжалось вечно.

Но Капитан пообещал, что это только начало.

Мы расцепились. Некто подсуетился и поставил табурет под мои ватные ноги. Я сел.

– Теперь тебе нужно принять это.

Ладонь Капитана раскрылась. На ней лежала небольшая серая таблетка гексагональной формы.

– А на выбор не будет? – усмехнулся я, – Синяя или красная...

– Нет.

Капитан в отличие от меня был отрешенно серьёзен.

– Выбор всегда только один.

Человек справа подал мне стакан воды. Я забрал таблетку себе в руку.

– Что это? – спросил я, рассматривая углы и прямые линии.

– Всего лишь инструмент.

– И что будет со мной, если я ее проглочу?

– Ты умрешь.

Меня пробрало до костей. Я не ожидал такой откровенности. Но потом в словах Капитана случилась легкая оттепель. Начались пояснения:

– Не в прямом смысле. С твоим физическим телом ничего страшного не произойдёт.

Изменится твоя суть.

– Душа?

– Мы называем это сердцем.

– Гламурно.

– Мы старались.

– Я стану кем-то другим?

– Ты станешь собой.

– Но я и есть я. Разве нет?

– Сейчас ты труп ходячий. Смотрел сериал? Это про тебя.

Все примечания мелким почерком были прочитаны. И теперь от меня ждали решения.

Я посмотрел по сторонам.

Доминирующее большинство молилось за меня. Не вслух. Все происходило молча. Но участию и доброте на их лицах позавидовал бы любой первый попавшийся Бог. Впрочем... Вся Вселенная завидовала им здесь и сейчас. Но самое главное, эти люди не содержали в себе ни требований, ни ожиданий. Они были готовы принять любое из возможных решений и с достоинством стойка сказали бы мне на прощание:

«Спасибо».

Немного. Но их чистые глаза донесли бы до моего сердца куда больше:

«Спасибо, что ты был, что ты есть и что ты будешь. Будь собой. Живи собой. Иди за собой. Наслаждайся. Рождайся. Умирай. Живи вечно».

О, если бы у меня было сердце...

Я взял предложенный стакан с водой, забросил таблетку в рот, запил.

«Вот и все», – мелькнула в голове последняя испуганная мысль, – «Приплыли, батенька».

На этот раз мой взгляд решил быть фиксированным на «повелителе рептилоидов». Кардинальная разница! Он был сторонним сухим и безучастным наблюдателем. Толстая брюнетка что-то монотонно транслировала ему в ухо. Но и это не вызывало в нем эмоций.

«Смеётся, наверное, надо мной, собака...»

Я хотел разозлиться, но не смог. Некая плавность и воздушность стали заполнять все мое тело. Эти новые ощущения стремились совсем к другому. Они хотели чего-то...

«...мороженого? Нет. Хочу нормального».

Мысли стали путаться. Кто-то прикоснулся к моей руке. Я открыл глаза и увидел. Это был Капитан.

– Ты в порядке? – спросил он.

– А когда закрылись глаза? – спросил я.

– Давно.

– Как давно?

– Очень.

– Очень-очень?

– Да.

Табурет стал покачиваться. И я рухнул бы на пол, если бы двое мужчин не подхватили меня и не унесли в сторону. Они мягко и осторожно уложили меня на коврик. Надо мной на короткий миг возникло лицо девушки в буденовке.

– О..., – сказала она, поморщилась и исчезла.

А я остался.

Меня накрыли пледом до уровня шеи. Под голову положили тонкую подушку.

– Вот, блин..., – прошептал я, – Неожиданно.

– Что именно? – раздался совсем рядом голос Капитана.

Плывущим взглядом я увидел, как он держит мою ладонь в своей.

– Никогда не чувствовал себя так плохо. И при этом мне так комфортно. Словно я вернулся в утробу матери.

– Плохо... что ты под этим понимаешь?

– Как же...

– Опиши это.

– Ну все знают...

– А ты знаешь?

Я искренне пытался найти ответ, но весь мир перед глазами закрутился в один большой водоворот. Пришлось закрыть глаза. Пришлось отдаться тьме.

– Засыпай, – услышал я, погружаясь во мрак.

Там я был какое-то время. Секунду, две, больше?..

Потом некий внутренний позыв заставил меня открыть глаза.

Картинка перестала быть мутной. Но теперь она переливалась всеми цветами радуги.

«Наркотический трип?» – предположил я.

Звучало здравомысленно.

Я сделал попытку подняться. Сначала просто сесть. У меня получилось. Слабость в руках и ногах исчезла. Появилась возможность нормально двигаться.

«Неплохо».

Я скинул с себя плед и попытался встать на ноги. У меня это тоже получилось.

«Совсем хорошо».

Оставалось ещё наладить картинку. Но на это я не надеялся. Психоделические вещества созданы так, чтобы нести эффекты в массы как минимум нескольких часов. Я же был лишь в начале этого пути. И потому до нормального зрения мне было как до Америки.

– Ну как ты? Живой?

Капитан выпрыгнул откуда-то как черт из табакерки.

– Нормуль.

Я почему-то произнёс совсем не свойственное мне слово. Но ещё большее удивление у меня вызвало странное притяжение, с которым я смотрел на окружённое радужной светимостью тело собеседника. Также выглядел деревянный столб. Также выглядели другие люди. Также выглядел я сам.

– Прикольно.

Мой палец коснулся щеки Капитана, и я ощутил внутри себя неудержимый всплеск наивного восторга.

– Вау!

Потом мои глаза почему-то переместились на потолок.

– Вау!

Там тоже было интересно.

– Осторожно, – сказал Капитан, придерживая меня за локоть.

Меня снова мотало из стороны в сторону, но на этот раз не из-за головокружения, а из-за избытка чувств.

– Что это? – спросил я.

– Так работает твоё сердце.

– Круто. А что оно ещё умеет?

Капитан заботился обо мне, но мне хотелось идти вперёд и продолжать исследовать новый мир, каким бы он не был. Он отпустил меня. Его рука соскользнула с моего локтя.

– Вау!

Каким-то чудом я наткнулся на прекрасную нимфу. Волосы, кожа, глаза... все было иначе... все было в новинку.

Потом был мужчина.

Потом стеклянный графин.

Плюшевая белка...

Мой мир непонятным образом разросся до невероятных чудес.

#ПЯТЫЙ

Я шёл по улице. Был одиннадцатый час ночи. Мое волшебное приключение закончилось. Тем не менее, настроение сохраняло заложенный веществами подъем.

В голове то и дело мелькала беспокойная идея:

«И что теперь? Эликсир счастья не будет вечно течь по твоим венам. К завтраку он выветрится. И как дальше ты будешь решать проблему со своей головой? Вернёшься к книгам?»

Я не знал. Здесь и сейчас мне было хорошо. Тело почти парило. Я дышал полной грудью. Сердцу хотелось присутствовать в данном мгновении, ему хотелось танца. Остальное не имело значения. Вот я и пританцовывал на каждом следующем шаге.

Подойдя к перекрестку, я увидел на другой стороне вывеску «МАСТЕР ШАУРМЫ».

«Мне туда!» – подсказало ниоткуда взявшееся чутьё.

Я не стал спорить.

Единственное, уже заканчивая двигаться по зебре, мне стало немного страшно и неловко.

«А вдруг они что-то подумают?»

Мои внезапные душевные метания были связаны со страхом оказаться раскрытым. Врач с расширенными зрачками шарахается по ночной Москве... ну точно наркоман. Я бы, увидев себя, точно так и подумал бы.

Однако же очень хотелось кушать. Я страстно желал шаурму! И побольше.

В мысли тотчас закрались яркие кулинарные картинки, где зубы откусывают, где зубы впиваются в сочное куриное мясо. И соленый соус стекает по губам, соскальзывает на подбородок...

От такого рот сразу же доверху заполнился слюной. И стало уже не до глупой стеснительности своего внешнего вида. Да ещё и желудок стал изгибать в спазмах.

«Хочу!» – решил я и пошёл к ларьку, а не сразу к дому.

– Здравствуйте.

За приоткрытым окном ларька меня встретил широкой улыбкой высокий статный мужчина в белой тубетейке.

– Чего желаешь, дорогой? – спросил он.

Позади него на красочном табло висел весь перечень широкого ассортимента.

Чебуреки, беляши, курица-гриль, ватрушки, хачапури, шаурма с курицей, шаурма...

Столько всего вкусного. У меня разбежались глаза.

– А с говядиной есть?

– Есть.

Мастер шаурмы был действительно мастером. Он отвечал на мои вопросы не как унылая продавщица из универсама, у которой коты и дети не кормлены. Он говорил так и жестикулировал так, что хотелось не только шаурмы. Возникло желание схватить и утащить к себе домой и его, и весь ларёк с причиндалами.

– А с курицей?

– Есть.

Я в него почти влюбился. Мне хотелось, чтобы он продолжал говорить. Возможно, строгать и крутить. Это был бы самый настоящий парад эмоций, вкусов и ощущений. Но ещё очень хотелось кушать.

– Две таких и две таких, – попросил я.

– Сырный лаваш? Чесночный?

Я думал, захлебнусь слюной.

– И такой, и такой.

– Богатырь!

Нет. Я точно готов был полюбить этого джигита.

– Пять минут!

Громкое обещание бросило мастера шаурмы к ножам. Их звон расценивался мной как симфония Баха. Затем ловкие руки, используя громоздкие пинцеты, буквально жонглировали нарезкой из помидор, огурчиков, салата...

Я отвернулся от всего этого от греха подальше.

За спиной меня встретила ночь. Она была по-осеннему немного пасмурная. Чуть-чуть накрапывал дождь. Но на то она и осень. Зато стало потеплее. Не подмораживало.

Внезапно я вспомнил Кирилла.

«Блин».

И тут и нескончаемый задор, и новизна в ощущениях и чувствах исчезли, словно их и не бывало. Это совсем некстати вернулось мое прошлое. А оно было горьким и печальным. Не было в нем места для радости.

Мое воспитание!

Я долгие годы гордился им, был строгим его почитателем. Считал, что ремень сделал из меня человека. Думал, что если буду строго следовать всем вбитым в меня правила, то все в моей жизни будет хорошо. С хорошими людьми случается только хорошее – это отличный девиз, пока реальность поддерживает эту иллюзию.

– Я умираю?

Этот вопрос я задал примерно полгода назад своему лечащему врачу, когда во время очередного визита он стал изъясняться слишком уж завуалированными фразами. Это было похоже на:

– Свет Венеры попал в болотный газ на двенадцатые сутки от Рождества Христова...

На грамотную научную информацию его слова совершенно точно не были похоже. А я все-таки сам врач и понимаю о чем говорю.

От моего заявления Александр Дмитриевич опешил. Левый глаз стал дергаться, нижняя губа – дрожать.

– Я бы так не сказал...

– А что бы вы сказали?

Я смотрел ему в глаза и ждал правды.

– Вы можете решить мою проблему?

– Нет.

Я ждал правды. Я ее получил. Мышцы в спине немного расслабились.

– Тогда зачем был весь это миллион анализов, как за страховые, так и за наличные средства?

– Я хотел понять...

– То, что у меня отказывает печень и нарастает проблема в поджелудочной, я знал и без ваших анализов.

– В вашем случае все сложно... непонятно...

– Вы Кириллу это тоже сказали?

К тому моменту я устал ходить по коридорам и сидеть под дверьми кабинетов. Я был обозлён. И злость моя была точно в цель, при чем не целясь.

– Что вы себе позволяете?

Александр Дмитриевич подскочил со стула как самая настоящая истеричка. Его руки завертелись в пространстве как неприкаянные рукава огородного пугала. Лоб покрылся обильной испариной.

– Я буду жаловаться вашему начальству!

– Жалуйтесь. Но лучше на себя.

Меня внезапно осенило, что мне больше нечего искать в приемной этого великого специалиста. Его последний совет лечь в больницу и неподвижно ждать прихода смерти не лез ни в какие ворота.

– Вы лучше сами обратитесь к психиатру, – сказал я, вставая со стула и уходя прочь.

Доктор пытался меня остановить. Он кричал мне вслед:

– За последствия вашего отказа от лечения мы не отвечаем. У нас есть все подписи...

– Сходите с ними в туалет.

О, я не вышел. Я вылетел в двери.

Жить!!!

Вот чего я хотел, а не анализов, процедур, информированных согласий...

С другой стороны, что я тогда понимал под этим словом?

Нечто совсем другое, чем сейчас. Аморфное, беспорядочное и неосознанное.

Я не знал как по-другому. Но вся моя внутренняя суть искала этот новый путь. И я помню, как в тот момент сказал себе:

«У меня хотя бы есть немного времени. У Кирилла не было и этого».

Кирилл.

Я снова возвращаюсь к личности этого человека. Мой коллега, друг, спортсмен, душа компании и самый лучший человек в мире однажды ушёл домой с работы, да там и остался. Его нашли мертвым беспокойные друзья, не привыкшие мириться с его долгим отсутствием. А ведь анализы его ежегодной диспансеризации были куда лучше моих.

Это была большая потеря для всех, в том числе и для меня. Он был младше меня на неделю. И именно это сподвигло меня с возросшей настойчивостью начать разбираться в своём длительном плохом самочувствии и не слушать чужие реплики:

– Ты просто устал.

Я не устал.

– Что вы сказали?

Мое тело рефлекторно развернуло в ответ на оклик.

– Что случилось? Вы плачете?

Тень воспоминаний медленно отступила и ощущения в теле вернулись. Среди них оказались влажные потеки на щеках.

– Так ерунда, – сказал я, не желая перекладывать свою боль на такого прекрасного человека, – Аллергия.

Я улыбнулся как смог.

– Не на чеснок? – уточнил мастер шаурмы.

– Нет.

– Тогда мой чеснок выбьет из вас все хвори и болезни.

Он передал мне пакет, а сам снова воспроизвёл свой коронный жест, дающий несокрушимое убеждение, что море по колено, что коры по колено, а мир как колыбель – удобный и безопасный.

– Сколько с меня? – спросил я, принимая пакет.

Теперь я улыбался искренне, по-настоящему.

– Шестьсот рублей, дорогой.

Я потянул тысячу.

– Сдачи не надо.

– Спасибо, дорогой. Удачи и счастья. Заходи ещё, дорогой.

– Обязательно.

Мы расстались. Я пошёл домой. Мастер шаурмы остался продолжать радовать людей.

Мой дом на этот раз остался прежним. Очередная спонтанная смена локации не произошла. Это был своеобразный плюс.

– Слава богу, – прошептал я, оставляя ключи и бумажник в прихожей.

Раздевшись и умывшись, я выложил еду на большое блюдо, отнёс ее в комнату и сел напротив телевизора.

– Хулио, мы в опасности!

– Что нам делать?

– Прыгаем в окно...

Кино продолжилось с того места, где я его в прошлый раз оставил. Много взрывов, погони, стрельба...

Я жил этим многие годы. Ещё вчера мне было невыносимо без этого даже на уровне предположения. И вот сегодня все стало иначе. Я не чувствовал прежнего удовольствия.

– Бежим, Хулио!

– Бросай гранату!..

Глупая, бездарная, жестко ограниченная фантазия. Другого описания сегодня у меня для этого действия не было. Я взял в руку пульт и резко оборвал свое мучение. Экран телевизора потух. Вокруг меня воцарилась тишина.

Впрочем, у меня для счастья ещё была шаурма. Точнее целых четыре.

«Приятного мне аппетита», – подумал я.

С этим внутренним напутствием мои руки развернули первую порцию и отправили ее одним концом в рот.

«Странно».

Я ждал одного результата. Но снова что-то пошло не так. Долгожданный фокус-покус вышел боком.

«Че-то не то...».

Моя челюсть услужливо сместилась вбок, попыталась пережевать жадно откусанный кусок как-то иначе. Так тоже не получилось. Некогда любимый продукт теперь воспринимался отвратительно горьким и чрезмерно соленым.

«Так не пойдёт».

Я вернул еду на тарелку и задумался. В мыслях проступило ценное указание от Капитана не жевать мясо и пшеницу. Я также вспомнил и свой скепсис по этому поводу. Сыр-бор про мясо мне был понятен. В последнее время все поголовно стремились стать вегетарианцами. Я считал это внеочередным заскоком на ниве разложения общественного интеллекта. А вот про пшеницу возник вопрос:

– С фи́га ли?

– Это генетический яд, созданный пришельцами, – пояснил мне Капитан во время того разговора.

– Из космоса?

– Это как тебе больше нравится.

– Мне нравятся булочки и пирожки.

– Ты предупреждён.

Наркота постепенно выветривалась из моей головы. И я все рациональнее воспринимал окружающую реальность. В ней не было места шуточкам-прибауточкам про анальное зондирование и НЛО.

«Фигня!» – подумал я тогда.

«Фигня!» – подумал я сейчас.

Передо мной лежала отличная еда (так она выглядела внешне). Я потратил на неё деньги (большие деньги). Животное умерло, чтобы меня накормить (плевать, что им был мутант, напичканный гормонами). Мастер шаурмы (а вот его действительно жалко) так усердно старался приготовить этот субпродукт.

«Жалко выкидывать», – таким было мое стандартное резюме.

И, следуя велению этой жалости, я сделал невероятное: мои руки снова потянулись к тарелке.

Каким был результат?

Я жевал около получаса. Медленно, но верно. Морщился, кривился, но не отступал с выбранного пути. В конце концов все, что лежало на тарелке, оказалось у меня в животе. И животу это очень не понравилось.

«Что-то мне нехорошо... интересно почему?»

Я попытался рыгнуть, чтобы хоть как-то снизить напряжение в желудке. Приём не сработал. Слишком уж плотно я напихал в себя шаурму.

Отодвинув от себя стул вместе с пустым блюдом, а я с предельной нежностью к себе разлёгся на диване. Через минуту стало чуть-чуть поспокойнее. Только вот я теперь не знал чем заняться. Раньше время моей жизни растворялось либо на работе, либо перед экраном телевизора. С телевизором случилась беда. Пропало желание.

А работа?

Ее я с предвкушением ждал лишь на следующий день после обеда. Вспомнив об этом, я улыбнулся и вновь окунулся в воспоминания.

Ненадолго.

Вспоминать особо было нечего. Покинув кабинет врача-убийцы, я получил жесткий выговор с лишением премии в размере более ста тысяч рублей. Такие деньги для меня на дороге не валяются. Плюс я был на эмоциях. Вот я и плюнул в морду главврачу, а потом написал заявление на увольнение. На душе после этого стало хорошо. А потом я увлёкся всяким разным личностным ростом, читал книги по психологии и психосоматике, делал дыхательные упражнения, искал себя...

Себя я в итоге так и не нашёл, но нашёл новую работу врача-терапевта в многопрофильном медицинском центре премиум-класса. Меня там ждали назавтра к 15:00.

Эти воспоминания были радостными. Веки стали тяжелеть и мне захотелось откинуть все невзгоды, отдавшись сну. В полудреме рука нащупала ещё один пульт управления и выключила свет.

«Супер!» – подумал я.

Это был своеобразный вариант счастья.

Как всегда оно было недолгим. Во сне я начал неожиданно вспоминать очень странные вещи. Безусловно, кусочки сна не являли собой подлинную картину пережитых мной событий, а лишь предлагали фантазийную вариацию по мотивам былого. Однако даже этих крох хватило, чтобы кое-что прояснилось и стало понятным.

– Иди к нам, иди к нам... – некий голос настойчиво звал меня к себе.

Я открыл глаза и увидел плывущую под потолком платформу. Она была деревянной. У неё была крыша. И у неё был столб.

«Мансарда», – догадался я.

Во сне мы все принимаем за чистую монету. Даже такие чудеса. С другой стороны разве в реальной жизни мы не терпим ещё большие безумства: непрерывно растущие налоги, цены на недвижимость, правила дорожного движения, жену-истеричку... Несомненно, если бы летуны и прочие сновиденные жители попали в наш мир, они тоже покрутили бы пальцем у виска.

Вот и там... парящая под потолком мансарда?... а почему бы и нет?

Естественно, звала меня к себе не сама мансарда. Дерево не умеет разговаривать. Во всяком случае, в этом сне точно не умело.

– Иди к нам, иди к нам... – продолжался тихий зов, кристаллизирующийся из пустоты.

Я напряг фокус зрения и тогда в пределах парящей платформы материализовался Капитан собственной персоной. Он сидел на корточках. Выглядел вполне нормально. Его распростертые руки тянулись ко мне.

– Иди к нам...

– Зачем?

Кажется, я проявил в этом сне недюжую логику.

– Любовь.

– А что с ней не так?

– Что у тебя ассоциируется с этим чувством. Это может быть событие, предмет или человек. Вспомни.

Я немного разозлился, ведь даже во сне Капитан решил донимать меня своими вопросами. А я не хотел вопросов. Я хотел спать, хотел отдыхать.

– Не хочу! – капризно ответил я и развернулся на левый бок, тем самым игнорируя и Капитана, и парящую под потолком платформу в целом.

– Но ты ведь ищешь любви, ты хочешь быть любимым...

– Хочу, – сказали губы против моей воли.

Видимо во сне у них была своя автономия.

– Тогда найди это чувство...

Чертов Капитан был очень убедителен.

– Ты можешь быть с открытыми глазами или с закрытыми. Ты можешь следовать за мной или не следовать за мной. Войди в своё пространство. Будь в своём пространстве.

Не хотел я никуда входить-заходить. Но события продолжали происходить сами собой.

– Будь в своём пространстве...

Платформа витала у меня за спиной. Но все равно умудрялась строить мне козни.

– Будь в своём пространстве...

В конце концов, все эти уговоры возымели особый эффект – я как бы соскользнул внутрь себя.

– Что есть «любовь» в твоём понимании?

Сильно уменьшенная версия меня была окружена множеством экранов. По ним быстро-быстро перемещались разнообразные картинки. Я уловил ярко-желтые цветы, грибы с красными шляпками и белыми пупырышками (очевидно мухоморы), птичку с красным брюшком, прыгающую по линии электропередач.

«К чему это?» – подумал я.

Потом на экранах стали появляться люди. Сначала из детства, далее все ближе и ближе к настоящему моменту.

– Кого ты любил?

– Никого.

Этот ответ пришёл изнутри. Он ужаснул и в то же время освободил.

– Я никого никогда не любил, кроме самого себя. Я – единственный и неповторимый. Я люблю себя!

– Освободи это чувство. Убери все лишнее. Оставь только самую суть...

Фотография жизнерадостного ребёнка двенадцати лет медленно растворялась в моем сознании, будто ее окунули в кислоту. Я был заворожён этим зрелищем. Казалось, мне кроме него больше ничего не нужно. Но через несколько минут последовало новое указание:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.